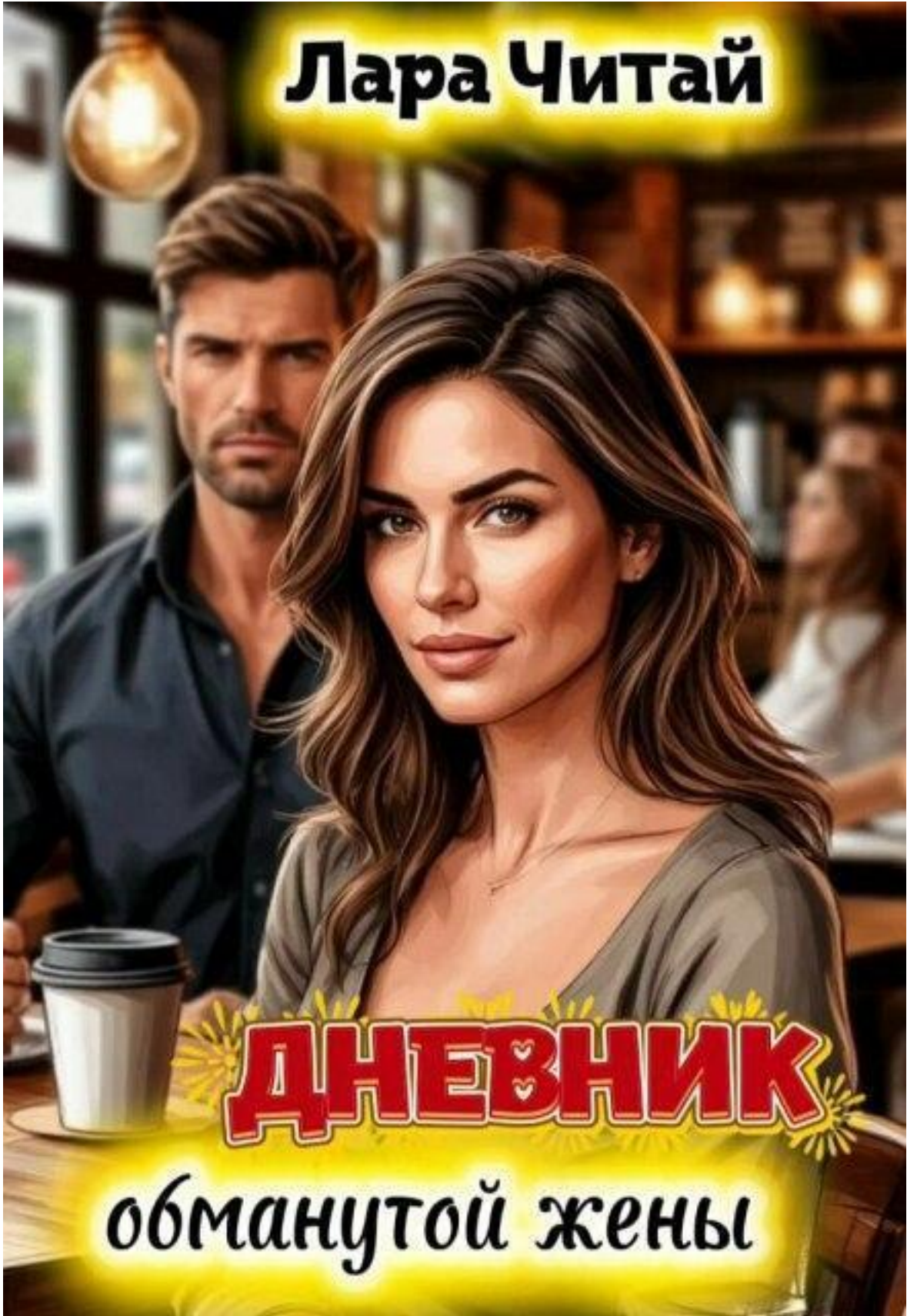

Лара Читай

ДНЕВНИК

обманутой жены

Лара Читай

Дневник обманутой жены

«Литнет»

2026

Читай Л.

Дневник обманутой жены / Л. Читай — «Литнет», 2026

Я поворачиваюсь к нему, обнимаю, прижимаюсь к спине. Так знакомо. Так тепло. Так надежно. Он мой муж. Отец моих детей. Человек, который клялся мне в любви перед алтарем и сотней гостей. На тумбочке у него на телефоне сообщение от «А.П.» «Спасибо за цветы. Когда увидимся? – это о неё.» «Завтра. Она будет с детьми в парке, я освобожусь пораньше» — он. Я читаю и чувствую, как мир уходит из-под ног. Завтра. Она. В парке. Он освободится пораньше. ***Что я могу сделать? Устроить скандал, разбить посуду, выгнать его к чертям собачьим. Но я не делаю этого. Потому что, если я сейчас это сделаю — игра закончится. А я не хочу, чтобы она заканчивалась. Я только вошла во вкус. Ты еще не знаешь, что тебя ждет.

Содержание

Глава 1. Запах счастья	5
Глава 2. Мыло с мятой	9
Глава 3. Дождь	13
Глава 4. Парк аттракционов	18
Глава 5. Красная помада	22
Глава 6. Точка невозврата	27
Глава 7. Чужие люди	32
Глава 8. Моя жизнь	37
Глава 9. Стекло	42
Глава 10. Три месяца	48
Глава 11. Осада	53
Глава 12. Качели	59
Глава 13. Двуликий Янус	65
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Глава 1. Запах счастья

6:23 утра. Вторник.

Знаешь, какое оно, счастье? Оно пахнет дрожжами, корицей и чуть-чуть — мужским потом. Оно теплое, чуть хрустит по краям и оставляет на пальцах липкие сладкие крошки, которые так приятно слизывать, пока никто не видит.

Я сижу на кухне. За окном наш двор — с качелями, на которых мы с Сашей когда-то качались допоздна, с той самой скамейкой, где он сделал мне предложение (пьяные подростки нацарапали на ней потом «Лена + Дима = love», но я все равно каждый раз улыбаюсь, когда прохожу мимо). Сейчас там серо, ноябрь вцепился мерзкими пальцами в последние листья, и фонарь мигает — третью неделю мигает, управляющая компания обещает починить «на той неделе» уже месяц.

Но мне не холодно. Потому что на столе передо мной лежит бумажный пакет. Обычный такой крафтовый пакет, знаешь, из которых сейчас модно пить кофе? Только на нем логотип — веселая булочка в очках и надпись «Свежая булка». Пекарня моего мужа.

Внутри — круассаны. Два штуки. Еще теплые. Я разворачиваю один и зажимаюсь. Этот запах... Господи, как же я его люблю. Не круассан, конечно, хотя его тоже. А то, что этот круассан — это он. Саша. Его руки, его утро, его забота.

К нему приклеена маленькая записка на желтом стикере, знаешь, из таких дешевых блоков, которые продаются в любом канцелярском по сто штук. Саша пишет всегда печатными буквами, потому что его нормальный почерк может расшифровать только фармацевт, да и то под угрозой пистолета. «Моим зайцам. Сладкого утра».

Я прижимаю записку к губам. Глупо, да? Тридцать лет бабе, мать двоих детей, а она обнимается с бумажками. Но дневник, ты поймешь. Ты для того и нужен, чтобы я могла писать тут все свои глупости без страха, что надо мной посмеются.

В детской начинается возня. Сначала один скрип кровати, потом второй, потом синхронный топот маленьких ног по коридору. Я внутренне собираюсь в пружину, как перед прыжком в ледяную воду. Дверь распаивается, и в нее влетают два урагана в пижамах с мишками.

— Мама! Мама! Мама!!!

— Коля, не ори, я первая хочу маму!

— Нет я!

— Мама, Коля меня толкнул!

— Она врушка! Я не толкал, я обнимал!

Катя уже влезла ко мне на колени, вцепившись в круассан, который я даже не успела спрятать. Коля дергает меня за рукав халата, пытаюсь стянуть меня на пол, чтобы я была в его распоряжении.

— Так, стоп! — я включаю режим «мама-полицейский». — Руки в стороны. Дышим. Кто первый скажет «доброе утро» без драки, тот получит самый сладкий кусочек.

Работает безотказно. Тьфу-тьфу.

— Доброе утро, мамочка любимая! — выпаливает Катя, стрельнув глазами в брата.

— Я тоже! Я тоже доброе! Самое доброе! — Коля пытается перекричать сестру.

Я чмокаю обоих в макушки. Пахнут детским шампунем и сном. И счастьем. Абсолютным, концентрированным счастьем, которое не купишь ни за какие деньги.

— Папа ушел? — спрашивает Коля, оглядывая кухню в поисках отца.

— Ушел, солнышко. Папа работает, чтобы у нас были вкусные круассаны.

— А почему он нас не поцеловал?

— Потому что вы спали как сурки, — я щелкаю Колю по носу. — И храпели так, что у соседей люстра качалась.

— Я не храплю! — возмущается Коля.

— А я храплю, — гордо заявляет Катя. — Как папа. Мне мама говорила.

Я смеюсь. Господи, как же я люблю это утро. Этот хаос, эти липкие пальцы, этот разлитый сок, который я потом буду вытирать, эти крошки по всему столу. Это и есть моя жизнь. И я ее обожаю.

9:45 утра.

Дети в саду. Коля, как всегда, ревел, потому что не хотел надевать шапку, а Катя потребовала, чтобы я заплела ей «такие же косы, как у принцессы Ясмин», хотя у Кати волосы тонкие и лезут во все стороны, и коса получается мышинный хвостик. Но она довольна. Значит, я молодец.

Дома тихо. Только стиральная машинка гудит на втором круге (Коля умудрился испачкать куртку за те два часа, что мы были дома утром, как — науке неизвестно). Я наливаю себе вторую чашку кофе. Уже холодного. Но допиваю. Потому что это мой кофе, мое время, мои пять минут, пока я не начала уборку, готовку, глажку и прочие радости домохозяйки.

Саша звонит.

— Привет, красавица моя, — голос у него бодрый, несмотря на то, что он на ногах с четырех утра. — Доехали?

— Ага. Коля опять шапку снимал, я ему скандал устроила при всех, позорище.

— Он в бабушку, — смеется Саша. — Моя мама тоже ненавидела шапки. Говорила, что голова не мерзнет, мерзнут мозги, а у нее мозгов нет, чтоб их морозить.

— Цитата не из лучших, знаешь ли, — фыркаю я. — Ты когда приедешь?

— Сегодня пораньше постараюсь. Заказ крупный надо отгрузить, потом отчетность за месяц... Сама знаешь, конец месяца — конец света.

— Знаю, — вздыхаю я. — Я соскучилась.

— Я тоже, малыш. Кстати, ты Алинку видела? Ну, продавщицу новую?

Мышь под сердцем, о которой я еще не знала, что она там завелась, первый раз шевельнулась. Я нахмурилась.

— Нет. А что?

— Да ничего, просто спросил. Работает хорошо, ответственная. Приятно, когда человек заинтересован в деле, а не просто отсиживает смену.

— Угу, — говорю я. — А она... красивая?

— Кто? Алинка? — Саша удивлен, я слышу. — Ну... симпатичная. Молодая. А что?

— Да нет, ничего. Просто спросила.

Повисает пауза. Странная какая-то.

— Свет, ты ревнуешь, что ли? — голос у него становится веселым, дразнящим. — Ты серьезно?

— Не ревную я. Ладно, иди работай. Люблю тебя.

— И я тебя. Целую. Вечером поговорим.

Кладёт трубку. А я сижу и смотрю в одну точку. Алинка. Симпатичная. Молодая. Он сказал это так легко, так небрежно. Наверное, я правда ревнивая дура. Домохозяйки же все такие — сидят в четырех стенах, мозги высыхают, начинают мужа контролировать, искать врагов там, где их нет.

Я встаю, решительно выливаю холодный кофе в раковину. Надо брать себя в руки. У меня уборка. Потом надо забежать в магаз, потом забрать детей, потом кружок рисования у Кати, потом Колин логопед. Некогда мне придумывать всякие глупости.

15:30 дня.

Я стою в очереди в супермаркете с тележкой, доверху забитой пакетами молока, макаронами и очередной пачкой подгузников для Коли (он у нас еще иногда ночью просыпается, недолеченный цистит был, теперь осторожничаем). Передо мной какая-то женщина долго выбирает сосиски, читает состав, морщится, откладывает, берет другие. Люди за спиной вздыхают, переминаются с ноги на ногу. Я смотрю в ленту, и вдруг...

Чек.

Под стеклом на кассе лежит забытый кем-то чек. Маленький такой рулончик бумаги. Я смотрю на него и почему-то не могу отвести взгляд. Ювелирный магазин. «Кристалл». Серебряная подвеска с гранатом. 5000 рублей. Дата — вторник. Прошлый вторник.

Прошлый вторник, когда у Коли была температура 38.5, и я вызывала скорую, потому что жаропонижающее не сбивало, и я рыдала в трубку маме, что боюсь менингита. Прошлый вторник, когда Саша написал: «Задержусь на работе, отгрузка, потом отчетность, ложись, не жди, я у мамы переночую, чтоб вас не разбудить».

Я смотрю на этот чек и чувствую, как мир вокруг становится ватным. Женщина с сосисками наконец выбрала, очередь движется, меня толкают тележкой сзади, говорят «простите, девушка, вы проезжаете?», а я стою как вкопанная.

— Девушка! — кассирша кричит на меня уже не в первый раз. — Девушка, вы будете оплачивать или освободите очередь?

Я оплачиваю. Руки трясутся так, что карта два раза выпадает из рук. Пакеты я собираю как в тумане. Выхожу из магазина, сажусь на лавочку и смотрю в одну точку.

5000 рублей. Подвеска с гранатом. Кому?

Маме? Нет. У мамы день рождения в марте, и она терпеть не может серебро, только золото. Моей сестре? У сестры аллергия на драгоценные металлы, у нее даже сережки только из хирургической стали. Мне?

Я смотрю на свою шею. На мне его подарок — тонкая золотая цепочка с кулоном-ангелом, подаренная на рождение близнецов. Я ношу ее не снимая.

Значит, не мне.

Я открываю телефон. Листаю ленту, сама не понимая зачем. И вижу фото. Вчера Алина выложила сторис — она в пекарне, в форменном фартуке, смеется, поправляет волосы. А на шее у нее — тонкая серебряная цепочка. И я вглядываюсь, приближаю, пиксели расплываются, но мне кажется, или там, у ворота, поблескивает красное?

Гранатовое.

Я закрываю телефон. Кладу его в карман. Достаю. Снова открываю. Снова смотрю.

— Света, ты дура, — шепчу я себе под нос. — Ты просто дура. Мерещится тебе всякое. Он тебя любит. У вас дети. У него пекарня. Ты просто сидишь дома, у тебя крыша едет.

Но чек. Этот проклятый чек. Я видела его так ясно. Название магазина. Дата. Сумма. И гранат. Красный камень. Под цвет губ, наверное. Под цвет ее молодости.

Я встаю и иду к машине. Надо забирать детей. Надо варить ужин. Надо жить дальше. А внутри, в груди, там, где обычно тепло и спокойно, теперь скребется маленькая мышь с острыми зубками. И ей, кажется, очень нравится точить дыру в моем сердце.

23:15 вечера.

Саша пришел полчаса назад. Уставший, пахнет хлебом, мукой и... мятой. Жвачкой мятой. А он никогда не жует жвачку. Говорит, от нее изжога. Я спросила:

— Ты жвачку жуешь, что ли?

Он удивился:

— Нет. А что?

— Пахнет мятой.

— Это мыло в пекарне новое, жидкое, с мятой. Руки моешь — потом пахнет.

Мыло. Конечно. Мыло.

Мы лежим в кровати. Он уже почти спит, дыхание ровное, глубокое. А я смотрю в потолок и считаю трещинки. Надо будет сказать ему, чтобы заделал. Давно собирались ремонт в спальне сделать.

Я поворачиваюсь к нему, обнимаю, прижимаюсь к спине. Так знакомо. Так тепло. Так надежно. Он мой муж. Отец моих детей. Человек, который клялся мне в любви перед алтарем и сотней гостей.

На тумбочке у него вибрирует телефон. Без звука, на вибрации. Я смотрю на экран. Уведомление из мессенджера. Сообщение от «А.П.».

«Сашенька, спасибо за сегодняшний вечер. Так давно не смеялась. Целую тебя. Спокойной ночи»

Экран гаснет. В комнате темно. Только фонарь за окном мигает, мигает, как будто подмигивает. Или предупреждает.

Я лежу не дыша. Мышь под сердцем вцепилась зубами в какую-то жилку и тянет, тянет, тянет. А я не знаю, что делать. Разбудить его? Устроить скандал? Закричать? Или сделать вид, что ничего не видела? Притвориться, что это опять мое больное воображение, мозги домохозяйки, которые высохли до размеров горошины?

Я выбираю третье. Лежу тихо. Слушаю его дыхание. Считаю до ста. Потом до тысячи. Потом просто смотрю в темноту и понимаю: сегодня ночью что-то кончилось. Я еще не знаю что. Может быть, доверие. Может быть, любовь. А может, просто иллюзия, что моя жизнь — это тот самый теплый круассан с утра.

Но одно я знаю точно. С этого момента все будет по-другому.

Дневник, мне страшно. Но еще больше мне интересно: сколько еще таких «мыльных» историй он мне расскажет?

Глава 2. Мыло с мятой

00:43 ночи. Уже среда.

Я не сплю.

Лежу на спине, руки сложены на груди, как покойник. Глаза открыты. В окно бьет этот долбанный мигающий фонарь — раз-два, раз-два, как сигнал азбуки Морзе, только я не могу расшифровать, что он мне говорит. Может, «беги». Может, «дура». А может, «спи, всё нормально».

Саша посапывает рядом. Иногда всхрапывает, потом чмокает губами и переворачивается на другой бок. Во сне он похож на мальчишку — ресницы длинные, щеки мягкие, и эта ямочка на подбородке, из-за которой я в него и влюбилась когда-то. Я смотрела на него тогда, в кафешке, где он работал барменом, и думала: «У человека с такой ямочкой не может быть злого сердца». Наивная. Господи, какая же я была наивная.

Телефон на тумбочке молчит. Экран черный. Но я всё равно смотрю на него, как кролик на удава. Мне кажется, я вижу это сообщение даже сквозь выключенный экран. «Сашенька, спасибо за сегодняшний вечер. Так давно не смеялась. Целую тебя. Спокойной ночи ♥#»

Сердечко. Красное такое, аккуратное. Она поставила сердечко.

Я никогда не ставлю сердечки в сообщениях. Мне кажется, это по-детски. Я пишу «люблю» словами. А она ставит сердечки. Молодая, наверное, привыкла. Им, молодым, всё равно, как выражать чувства — словами, смайликами, стикерами с котиками. Лишь бы быстро, лишь бы не всерьез.

Или всерьез?

Я осторожно, стараясь не скрипеть пружинами, приподнимаюсь на локте. Смотрю на него. Спит. Дышит ровно. Совесть не мучает. Интересно, ей, этой А.П., он тоже говорит, что любит? Или просто тратит время? Трахает, прости Господи, молоденькую продавщицу в перерывах между отгрузками и отчетностью?

Мысль про «отчетность» обжигает кислотой. Я вспоминаю, сколько раз за последний месяц он задерживался. «Отчетность, Света, конец квартала». «Налоговая, Света, проверка». «Поставщики, Света, новые договоры». А я — святая вера — грела ужин, кормила детей, укладывала их, читала сказки и ждала. Тупо ждала у окна, как та самая дура из анекдота.

Злость поднимается откуда-то из живота, горячая, едкая. Хочется разбудить его, вцепиться в эту его дурацкую ямочку ногтями и кричать: «Как ты мог? Как ты смеешь? У нас дети! У нас жизнь! Я тебе верила!»

Но я не двигаюсь.

Потому, что если я это сделаю — обратного пути не будет. Если я закричу — придется что-то решать. А я не знаю, что решать. Я не знаю, как жить дальше. Я не знаю, смогу ли одна. У меня двое детей-близнецов, у меня нет своей зарплаты, у меня нет ничего, кроме этого дома, этой кухни, этого запаха круассанов по утрам.

Я ложусь обратно. Смотрю в потолок. Мысленно считаю овец. Овцы превращаются в булочки. Булка с гранатовыми глазами. Гранатовыми, как та подвеска. Бред.

6:15 утра.

Прозвенел будильник. Саша встал, даже не взглянув на меня. Быстро натянул джинсы, футболку, на ходу причесался пятерней. Я притворялась спящей. Смотрела сквозь ресницы, как он собирается. Он подошел к кровати, наклонился... и поцеловал меня в щеку.

— Пока, малыш, — шепнул. — Круассаны на столе.

И ушел.

Я лежала еще минуту, чувствуя на щеке место его губ. Там, где он поцеловал. И думала: он целовал её вчера этими же губами? Этими же губами шептал ей «спасибо за вечер»? Этими же руками гладил её по волосам, по спине, по этим молодым упругим...

Стоп.

Я села в кровати, потрянув головой. Так нельзя. Так с ума сойти можно. Мне нужны факты. Не домыслы, не фантазии, не болезненное воображение домохозяйки, а факты.

Я встала, накинула халат и пошла на кухню. Там, на столе, лежал пакет с логотипом «Свежая булка». Внутри — круассаны. Теплые. И записка: «Зайцам. Вкусного дня».

Я скомкала записку и зашвырнула в раковину. Потом достала, расправила, посмотрела на его печатные буквы. Милый. Заботливый. Или уже отработанный жест? Он ей тоже пишет записочки? «Зайке. Вкусного дня»? Или у них там, в пекарне, другие развлечения?

Дети проснулись в семь. Как обычно, влетели с криками «мама-мама-мама», как два маленьких урагана. Катя требовала розовые колготки, Коля орал, что не хочет кашу, хочет «как у папы, круассан». Я металась между кухней и детской, варила кашу, резала круассаны, заплетала косы, искала второй носок Коли (нашелся под диваном, как всегда). Обычное утро. Обычный ад. Обычное счастье.

Только теперь внутри меня сидела эта мышь и грызла. Грызла без остановки.

9:30 утра.

Дети в саду. Я вернулась домой, села за стол и достала телефон. Открыла соцсети. Зашла на страницу пекарни. Там было несколько фото — хлеб, булки, пирожные. И одно фото коллектива. Саша стоит в центре, улыбается, в белом фартуке, руки в муке. Справа от него — повар Илья, толстый добряк, который всегда угощает детей печеньем. А слева — она.

Алина.

Я приблизила фото. Рассмотрела. Лет двадцать — двадцать два, не больше. Светлые волосы собраны в аккуратный хвост, челка, большие серые глаза, пухлые губы, накрашенные неярко, но умело. Фартук сидит на ней как влитой — она тонкая, гибкая, грудь небольшая, но аккуратная. На шее — тонкая серебряная цепочка.

Я вглядываюсь в это проклятое фото до рези в глазах. Цепочка есть. Кулон? Не видно. Он под фартуком, под блузкой. Может, там подвеска. Может, нет.

Я лезу в её личный аккаунт. Он открыт, постов мало — она не блогер, просто обычная девчонка. Фото с подружками в кафе. Фото кота. Фото заката. И одно фото — её рука с чашкой кофе, на запястье тонкий браслетик, на пальце колечко. На заднем плане размытое кафе. Я вглядываюсь — и сердце останавливается.

Это наше кафе. То самое, где мы с Сашей сидели в воскресенье, когда мама согласилась посидеть с детьми. Мы пили кофе, ели чизкейк, он держал меня за руку и говорил, как я ему нужна. А на следующий день она выложила это фото. С нашей чашки? С нашего столика? Или я уже параноик?

Я закрываю телефон. Кладу его экраном вниз. Сажу, смотрю в стену. В голове пустота, только мышь скребется.

— Возьми себя в руки, Света, — говорю я вслух. Голос в пустой квартире звучит глухо, как в колоде. — Ты ничего не знаешь. Ты ничего не доказала. Одно сообщение, один чек, одно фото — это не улики.

Я встаю и начинаю уборку. Механически, как робот: пылесос, швабра, тряпка. Протираю пыль с полок, мою посуду, перебираю детские вещи. Руки заняты — голова свободна. А свободная голова — это опасно. Она сразу лезет туда, куда не надо.

Мысленно я прокручиваю последние месяцы. Ищу «звоночки». И нахожу.

Вот Саша стал чаще задерживаться. Раньше он всегда звонил, предупреждал. Теперь просто пишет смску: «Поздно, не жди». Вот он перестал спрашивать про мой день. Раньше ему

было интересно, что сказал логопед, как прошло рисование у Кати, что нового в садике. Теперь слушает вполуха, кивает, а глаза пустые.

Вот он стал чаще ездить к маме. «Маме помощь нужна, она одна, здоровье шалит». Све-кровь, кстати, выглядит прекрасно, я её в воскресенье видела — на рынке, с полными сумками, бодряя, румяная.

Вот он купил новые духи. Раньше пользовался одним и тем же одеколоном годами, я ему дарила на Новый год, и он был счастлив. А теперь — новый флакон, дорогой, марку я не знаю, но пахнет незнакомо, свежо, молодо. Я спросила: «Новые духи?» Он ответил: «А, да, Илья посоветовал».

Илья, конечно. Илья у него теперь виноват во всем. И духи, и жвачка мятная, и задержки, и отчетность.

Я останавливаюсь с тряпкой в руке посреди гостиной. Смотрю на фотографии на стене. Наша свадьба. Я в белом платье, он в костюме, оба молодые, счастливые, смотрим друг на друга так, будто никого вокруг не существует. Родные плачут, гости орут «горько», а мы целуемся и не можем оторваться.

Господи, куда это делось? Когда это кончилось? Или не кончилось, а я просто перестала замечать? Я так увязла в детях, в быте, в подгузниках и кашах, что перестала быть для него женщиной? Превратилась в приложение к дому, в функцию, в «маму моих детей»?

Я подхожу к зеркалу в прихожей. Смотрю на себя. Халат старый, растянутый, волосы собраны в пучок, под глазами синяки от недосыпа. Кожа серая, губы сухие. Сколько я не красилась? Неделью? Две? А когда мы последний раз занимались сексом не «по-быстрому, пока дети спят», а нормально, с чувством, с толком, с расстановкой?

Я не помню.

Может, я сама виновата? Может, если бы я следила за собой, ходила в спортзал, красилась, носила красивое белье, он бы не смотрел на молоденьких? Может, это я довела его до измены?

Мысль противная, липкая, как тесто. Она застревает в голове и не выходит. Я стою перед зеркалом и ненавижу себя. За этот халат, за эти синяки, за то, что я позволила себе раствориться в детях и забыть о себе.

А потом приходит злость. На него.

Ах ты ж сволочь! То есть я тут вкалываю сутками, детей поднимаю, дом содержу, ужины варю, а ты мне изменяешь, потому что я в халате хожу? А кто мне давал время на спортзал? Кто предлагал няню нанять, чтоб я хоть иногда выходила в люди? Кто говорил «ты и так красивая, не парься»?

Никто. Я сама не просила. Я сама решила, что справлюсь. Я сама выбрала быть идеальной матерью и женой, забыв, что идеальная жена — это еще и любовница.

Черт.

Я отворачиваюсь от зеркала. Включаю воду, умываю лицо холодной водой. Смотрю на себя мокрую. Глаза красные, но не от слез — от бессонницы.

— Так, Света, — говорю я своему отражению. — Хватит истерики. Тебе нужен план. Ты должна знать наверняка. Не догадываться, не подозревать, а знать.

План. Какой план? Следить за ним? Проверять телефон? Устроить слежку?

Я вспоминаю все детективы, что читала, и все сериалы, что смотрела. Там героини нанимают частных детективов, ставят жучки, следят за машинами. Но у меня нет денег на детектива. У меня вообще нет своих денег. Саша дает мне на хозяйство, но я не работаю, у меня нет своего счета, своих накоплений.

Я — финансово зависимая женщина. Самая уязвимая категория.

Мысль обжигает. А если он уйдет? Если он выберет её? Что со мной будет? Где я буду жить? На что буду растить детей? Мама поможет, но мама сама на пенсии. Я пойду работать?

Кем? У меня педагогическое образование, но я не работала по специальности пять лет. Кому нужна домохозяйка без опыта?

Страх ледяной рукой сжимает горло.

Я сажусь на край ванны и пытаюсь дышать. Глубоко. Вдох-выдох. Вдох-выдох.

План Б. Мне нужен план Б. Независимо от того, изменяет он или нет, мне нужно стать самостоятельной. Нужно найти работу. Нужно откладывать деньги. Нужно перестать быть просто «женой Саши».

Я смотрю на часы. 11:30. До забора детей из сада еще три часа. У меня есть время.

Я иду в комнату, включаю ноутбук и начинаю искать вакансии.

14:00 дня.

Нашла три объявления. Няня на полдня. Помощник воспитателя в частный сад. Репетитор для первоклассника (подготовка к школе). Откликнулась на все. В одном обещали перезвонить завтра.

Я чувствую себя почти живой. Почти сильной. Почему я не сделала этого раньше? Почему сидела дома и ждала, когда жизнь сама наладится?

Потому что любила. Потому что верила. Потому что думала: семья — это навсегда.

Глупая.

20:15 вечера.

Дети накормлены, помыты, уложены. Катя уснула сразу, Коля просил еще одну сказку, потом еще одну, потом воду, потом поцеловать в носик, потом в пяточку. Я психовала, но сдерживалась. Он же не виноват, что у мамы крыша едет.

Саша пришел в девять. Сказал, что были проблемы с доставкой. Я кивнула. Предложила ужин. Он отказался, сказал, что перекусил в пекарне.

Я смотрю на него. Он моется в душе долго, подозрительно долго. Потом выходит, пахнет гелем и свежестью. Садится на кровать, берет телефон.

Я лежу, притворяюсь спящей. Смотрю сквозь ресницы. Он листает ленту, улыбается чему-то, пальцы быстро-быстро печатают ответ.

Кому?

Я не вижу экран. Но я чувствую. Мышь под сердцем вцепилась зубами и не отпускает.

Он ложится рядом, поворачивается ко мне спиной. Через минуту его дыхание становится ровным. Спит. Легко, как будто нет на душе ни камня, ни лжи, ни этой проклятой мятной жвачки.

А я не сплю. Я лежу и смотрю в его спину. И думаю: сколько еще ночей я буду вот так лежать, притворяясь мертвой, пока он живет свою вторую жизнь?

И главное — сколько еще у меня есть времени, прежде чем я сломаюсь?

Глава 3. Дождь

Четверг. 7:15 утра.

За окном льет как из ведра. Ноябрь в этом году решил, что мы мало страдали, и устроил потоп. Вода барабанит по подоконнику, стекает по стеклу мутными ручьями, и двор за окном расплывается серо-зеленой акварелью.

Я стою у окна с кружкой кофе и смотрю на эту воду. И почему-то вспоминаю тот день. Тот самый, с которого все началось.

Пять с половиной лет назад. Июнь. Тоже дождь.

Я тогда работала в библиотеке. Да, представляешь, была такая тихая девочка, которая выдавала книги и мечтала о большой любви. Двадцать пять лет, за спиной неудачные отношения (парень оказался женат, спасибо, что хоть предупредил на третьем месяце), диплом педагога, съемная квартира и кот Бакс. Жизнь казалась пресной, как овсянка на воде.

В то утро тоже лило. Я выскочила из дома без зонта — вечно я их теряю, эти зонты — и добежала до остановки, промокшая до нитки. Платье прилипло к телу, волосы висели сосульками, настроение было где-то в районе плитуса. Я стояла под козырьком остановки, тряслась от холода и мечтала только об одном: чтобы этот день поскорее закончился.

А потом я почувствовала запах.

Теплый, маслянистый, ванильный. Запах свежей выпечки. Я повернула голову и увидела его.

Маленькая пекарня прямо у остановки. «Свежая булка» — прочитала я смешную вывеску. И в дверях стоял ОН.

Высокий, чуть лохматый, в белом фартуке, перепачканном мукой. Он смотрел на дождь и улыбался каким-то своим мыслям. А потом перевел взгляд на меня — мокрую, несчастную, дрожащую — и улыбнулся шире.

— Заходите, — сказал он. — У нас кофе и круассаны. И тепло. Бесплатно для промокших красавиц.

Я зашла.

И как будто в другую жизнь шагнула. Там пахло раем. Горел свет, играла тихая музыка, за стойкой суежилась пожилая женщина (его мама, как выяснилось позже), а на витрине лежали такие круассаны, что у меня слюнки потекли моментально.

Он усадил меня за столик у окна, принес огромную кружку капучино с корицей и круассан с миндалем. Сел напротив.

— Я Саша, — сказал. — А вы, наверное, та самая девушка, которую я искал всю жизнь, просто не знал, где она прячется от дождя.

Я фыркнула. Подумала: «Какой банальный подкат, фу». Но внутри что-то екнуло. Потому что он смотрел не на мокрое платье и не на прилипшие волосы. Он смотрел в глаза. И улыбался так, будто я была самой красивой женщиной на земле.

Мы проговорили три часа. Я опоздала на работу, мне влетело от заведующей, но мне было плевать. Я влюбилась. По уши. С первого взгляда. С первого круассана.

Через месяц он переехал ко мне. Еще через три — мы купили эту квартиру. Еще через год — поженились. А потом родились Катя и Коля. И я думала, что так будет всегда. Дождь, круассаны и его улыбка.

Четверг. 9:45 утра.

Я отгоняю воспоминания. Они слишком сладкие, слишком болезненные сейчас. Как тот самый круассан с миндалем — если съесть слишком много, начинает тошнить.

Дети в саду. Я снова одна в квартире. Вчерашняя решимость куда-то улетучилась, оставив после себя липкую тревогу. Я смотрела вакансии, даже откликнулась на пару, но сегодня утром, когда проверяла почту, ответов не было. Конечно, кому нужна домохозяйка без опыта?

Я хожу по квартире и не нахожу себе места. Убираться не хочется. Есть не хочется. Смотреть телевизор — тем более. Я как заведенная подхожу к окну, смотрю на дождь, отхожу, снова подхожу.

Мышь под сердцем за ночь выросла. Теперь это не мышь, а крыса. Зубастая, наглая, она грызет меня изнутри без остановки. Я думаю о ней. Об Алине. О том, что они делают в пекарне, когда я дома с детьми. О том, как он ей улыбается. О том, целует ли он ее так же, как целовал меня тогда, в дождливый июньский день.

Злость приходит внезапно. Я хватаю телефон и набираю Сашин номер.

— Привет, — говорю как можно беззаботнее. — Как дела?

— Нормально, — голос у него уставший. — А что?

— Да соскучилась. Думаю, может, заехать к вам? Кофе попью, на тебя посмотрю.

Пауза. Секундная, но я ее слышу. Она звенит в трубке, как лопнувшая струна.

— Свет, тут сейчас пересменка, бардак, поставщики приехали... Давай вечером? Я пораньше постараюсь.

— А Алина сегодня работает? — спрашиваю я и сама пугаюсь своего голоса. Он звучит слишком ровно. Слишком спокойно.

— Работает. А что?

— Да ничего. Просто спросила. Ладно, работай. Целую.

Я кладу трубку и смотрю на телефон. Работает. Алина работает. А я не могу приехать, потому что там «бардак и поставщики». Интересно, этот бардак уже в ее трусах или пока только в планах?

Я выдыхаю. Нужно выйти из дома. Иначе я сойду с ума. Одеваюсь, натягиваю дождевик, беру зонт и выхожу на улицу.

11:20 утра.

Дождь хлещет по лицу. Я иду без цели, просто ноги несут. Прохожу мимо нашей остановки, мимо той самой пекарни, где все началось. Стеклопакеты, уютный свет, очередь из промокших людей. Я останавливаюсь напротив, прячусь за деревом и смотрю.

Витрина запотела изнутри, но кое-что разглядеть можно. Саша стоит у кассы, пробивает покупки, улыбается покупателям. Рядом с ним — Илья, возится с тестом. А в глубине зала я вижу её.

Алина расставляет чашки на столиках. Она в форменном фартуке, джинсах и белой блузке. Волосы распущены, влажные от дождя, падают на плечи. Она двигается легко, грациозно, как будто не работает, а танцует.

Саша поднимает голову, смотрит на неё. И я вижу этот взгляд. Короткий, брошенный мельком, но я его вижу. Так он на меня смотрел когда-то. С теплотой. С нежностью. С обладанием.

Она ловит его взгляд, улыбается, чуть заметно, одними уголками губ. И отворачивается, продолжает расставлять чашки. Как будто ничего не было.

А у меня внутри всё обрывается.

Я стою под дождем, промокаю до нитки, и смотрю, как мой муж флиртует с молоденькой продавщицей. У них там свой мир, свой язык жестов, свои секретики. А я здесь, по ту сторону стекла, мокрая, несчастная, чужая.

Хочется ворваться, разбить витрину, накричать, устроить скандал. Хочется схватить её за эти распущенные волосы и спросить: «Ты что творишь, сучка? Он муж, отец двоих детей, ты понимаешь?»

Но я не двигаюсь. Потому, что если я это сделаю — я признаю свое поражение. Я признаю, что проиграла ей. Я признаю, что наша любовь кончилась.

Я разворачиваюсь и ухожу. Быстро, почти бегом. Дождь хлещет по лицу, и я не понимаю — это слезы или просто вода.

13:30 дня.

Я сижу в кафе. В другом, не нашем. Заказала кофе, но не пью, смотрю в одну точку. Руки трясутся. В голове каша. Я не знаю, что делать.

Звонит мама.

— Света, ты чего голос странный? — слышу я её голос и чувствую, как к горлу подкапывает ком.

— Всё нормально, мам.

— Не ври матери. Я же чувствую. Что случилось?

— Ничего, мам. Просто устала. Дети, быт... сама знаешь.

— А Саша где?

— На работе.

— Помогает тебе?

— Помогает.

— Ладно, верю. Слушай, я хотела сказать — в воскресенье могу посидеть с детьми, если хотите куда сходить. В кино или в ресторан. А то сидите вечно дома.

Я молчу. В горле застревает ком.

— Мам, — говорю я тихо. — А как ты поняла, что папа тебя любит?

— Чего?

— Ну, когда вы встречались. Как ты поняла, что это оно, навсегда?

Мама молчит секунду, потом вздыхает.

— А никак, дочка. Нельзя это понять. Можно только верить. Или не верить. А что случилось?

— Ничего, мам. Просто думаю. Ладно, я побегу. В воскресенье созвонимся.

Я кладу трубку и утыкаюсь лбом в холодный стол. Верить. Я верила. Пять лет верила. А теперь оказывается, что вера — это просто привычка закрывать глаза на то, что не хочешь видеть.

17:00 вечера.

Дети в саду, я их забрала, привела домой, накормила. Катя рисует за столом, Коля строит башню из лего. Я сижу в кресле и смотрю на них. Такие маленькие, такие беззащитные. Если мы разведемся, что с ними будет? Как они переживут? А если он заберет их себе? Нет, не отдаст, он же работает, ему некогда. Но через суд может попытаться...

Я запрещаю себе думать об этом. Пока рано. Пока я ничего не знаю.

В шесть вечера разрывается домофон. Я подхожу, смотрю в экран — на лестничной клетке стоит курьер с огромным букетом роз.

— Светлана? — спрашивает он, когда я открываю дверь.

— Да.

— Вам. Распишитесь.

Я беру букет. Там тридцать алых роз, перевязанных белой лентой. Открываю открытку. «Моей единственной. Прости, что много работаю. Люблю. Саша».

Я стою в коридоре с этим букетом и не знаю, что чувствовать. Это подарок? Искушение? Или откуп? Заметил, что я дергалась утром? Или просто совесть замучила?

Катя выбегает из комнаты, видит цветы и ахает.

— Мама! Какие красивые! Это папа?

- Папа, солнышко.
- Он тебя любит, да?
- Любит, — автоматически отвечаю я.
- А ты его?
- И я его.

Катя удовлетворенно кивает и убегает к брату. А я стою с розами в руках и чувствую только горечь. Потому что эти розы пахнут не любовью. Они пахнут ложью. Или виной. Или попыткой заткнуть мне рот.

Я ставлю их в вазу. Красивые, свежие, дорогие. Тридцать штук. За тридцать лет. Или за тридцать дней его измены?

23:45 ночи.

Саша пришел поздно. Увидел цветы, улыбнулся.

- Нравятся?
- Красивые, — говорю я ровно.
- Ты какая-то странная сегодня. Устала?
- Устала.
- Иди ко мне, — он обнимает меня, прижимает к себе. Пахнет выпечкой, потом и знакомым одеколоном. Новым, тем самым, который «Илья посоветовал».
- Я скучал, — шепчет он в макушку.
- Я тоже.

Вру. Я не скучала. Я все это время представляла, как он трахает её в подсобке на мешках с мукой.

Мы ложимся. Он хочет близости. Я позволяю. Потому что, если откажу — он заподозрит. Потому что, если откажу — я признаю, что между нами что-то не так. Потому что, если честно, мне нужно почувствовать его. Понять, есть ли там, в его прикосновениях, что-то чужое.

Он занимается со мной любовью. Или сексом. Я уже не различаю. Лежу с закрытыми глазами и думаю: он её целует так же? Он её гладит так же? Он говорит ей те же слова?

В голове картинки сменяют друг друга, как в дешевом порнофильме. Вот он и она. Вот её молодое тело под ним. Вот она стонет, запрокинув голову. А я здесь, под ним, просто исполняю супружеский долг.

После он засыпает сразу. А я лежу и смотрю в потолок. Дождь за окном кончился. Фонарь больше не мигает — починили, наверное. А в груди у меня теперь не крыса, а целый зверинец. И они грызут, грызут, грызут.

Я встаю, иду в ванную, смотрю на себя в зеркало. Глаза пустые, губы искусанные, на шее засос — Саша старался. Я трогаю это место пальцами и чувствую только брезгливость. Как будто чужими руками трогали.

Возвращаюсь в спальню, беру его телефон с тумбочки. Он спит. Я знаю пароль — дата нашей свадьбы. Захожу в мессенджер. Чат с «А.П.». Последние сообщения.

«Спасибо за цветы» — это от неё, вчера вечером.

«Тебе спасибо за вечер)» — это он.

«Когда увидимся?» — она.

«Завтра. Она будет с детьми в парке, я освобожусь пораньше» — он.

«Скучаю ♥#♥#♥#» — она.

«Я тоже, зайка» — он.

Я читаю и чувствую, как мир уходит из-под ног. Завтра. Она. В парке. Он освободится пораньше.

Я завтра не планировала парк. Но, видимо, судьба подкинула мне идею.

Кладу телефон на место. Ложусь. Закрываю глаза. И улыбаюсь в темноте.

Завтра, Сашенька. Завтра я узнаю всё.
Дорогие читатели!

*Благодарю вас за интерес к моей новой книге.
Роман основан на реальных событиях, но не лишен художественного вымысла автора.
«Дневник обманутой жены» — это про ежедневные переживания женщины, которую
растоптал когда-то любимый человек.
Все свои терзания она доверила ему - своему дневнику.
Я приглашаю вас пройти этот сложный путь вместе с моими героями. Обещаю, финал
будет счастливым.*

Если роман вас зацепил, то:

- добавьте книгу в библиотеку, чтобы не дать ей затеряться,
- подпишитесь на автора, чтобы точно не пропустить новинки,
- поставьте лайк и напишите комментарий – ваше мнение бесценно.

*Именно ваша активность и отзывы помогают истории находить новых читателей.
Искренне ваша, Лара Читай!*

Глава 4. Парк аттракционов

Пятница. 9:15 утра.

Сегодня я проснулась раньше будильника. Лежала и смотрела, как Саша собирается на работу. Он брился особенно тщательно, выбрал свежую рубашку, побрызгался тем самым новым одеколоном. Два раза.

— По какому поведумаскарад? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал сонно и безразлично.

Он вздрогнул. Чуть-чуть, почти незаметно. Но я заметила.

— Да встреча с поставщиками, — ответил он, поправляя воротник. — Новый ресторан хотим обслуживать, надо произвести впечатление.

— А, — я зевнула и отвернулась к стене. — Удачи.

Он подошел, чмокнул меня в щеку, пахло мятой и свежестью. Я задержала дыхание.

— Круассаны на столе, — сказал он на прощание. — Люблю вас.

Дверь закрылась. Я села в кровати и посмотрела на часы. 9:30. До вечера еще целый день, но внутри уже все кипело.

Сегодня я узнаю правду.

10:45 утра.

Детей я отвезла к маме. Сказала, что нужно съездить по делам, а с ними сложно. Мама посмотрела на меня подозрительно, но промолчала. Только спросила:

— Ты как, дочка? Нормально?

— Нормально, мам, — я чмокнула ее в щеку и почти выбежала из квартиры.

Машину я припарковала не у дома, а за углом. Саша не знает, что я здесь. Он думает, я сейчас в парке с детьми. Интересно, он вообще помнит, что мы с детьми? Или уже все мысли только о ней?

Я сижу в машине, опустив солнцезащитный козырек, и смотрю на вход в пекарню. Окна тонированные, но дверь стеклянная — каждого входящего видно. Я жду.

В 11:30 из пекарни выходит Саша. Один. Садится в свою машину и уезжает. Я завожу мотор и трогаюсь следом. Сердце колотится где-то в горле. Потные ладони скользят по рулю. Я никогда в жизни ни за кем не следила. В детектива это выглядело легко и красиво. В реальности — меня трясет, я боюсь потерять его из виду, боюсь, что он заметит хвост.

Он едет в спальный район. Не наш. Дома здесь новостройки, высокие, стеклянные, с охраной на входе. Саша паркуется у одного из них, выходит из машины, оглядывается и заходит в подъезд.

Я останавливаюсь в двадцати метрах, глушу мотор и смотрю на дверь. Он зашел. Вышел? Нет, не вышел.

Проходит пять минут. Десять. Пятнадцать.

Я сижу и смотрю на этот подъезд, как дура. Может, он к клиенту? Может, правда поставщики? Может, я психопатка, которая следит за собственным мужем?

В 11:52 из подъезда выходит ОНА.

Алина. В джинсах, легкой куртке, с небольшой сумкой через плечо. Волосы распущены, на губах блеск, щеки румяные. Она садится в машину — в его машину — и они уезжают.

Я даже не сразу соображаю завести мотор. Руки трясутся так, что ключ попадает в замок зажигания только с третьего раза.

— Спокойно, Света, — шепчу я себе. — Спокойно. Ты просто едешь за ними.

12:30 дня.

Они приехали в торговый центр. Самый большой в городе. Я захожу следом, держусь на расстоянии. Они идут под руку, как подростки. Она что-то говорит, смеется, запрокидывая голову. Он смотрит на нее и улыбается. Так, как не улыбался мне последние полгода.

У меня внутри все горит. Хочется подойти, схватить его за рубашку, встряхнуть и заорать: «Ты что творишь, гад? А я? А дети?» Но я иду следом, как тень.

Они заходят в магазин женского белья. Я останавливаюсь у витрины, делаю вид, что рассматриваю комплекты. Сама кошу глаза в их сторону.

Она выбирает кружевные лифчики, показывает ему. Он кивает, что-то говорит, она смеется. Потом она берет красный комплект, совсем открытый, почти неприличный, и прикладывает к себе. Он одобрительно поднимает большой палец.

У меня темнеет в глазах. Красный. Она купит красное белье, а он будет его снимать. Сегодня. Или завтра. Или уже снимал.

Я отворачиваюсь и делаю глубокий вдох. Нельзя расклеиваться. Я здесь не для того, чтобы плакать. Я здесь для того, чтобы знать.

Они выходят из магазина с пакетом. Дальше — кафе-мороженое. Она ест рожок, облизывает его, глядя ему в глаза. Он смотрит на ее губы. Я смотрю на это из-за колонны и чувствую, как внутри закипает лава.

Потом они идут в кино.

Я стою посреди торгового центра и не знаю, что делать дальше. Идти за ними в кинозал? Сидеть в темноте и смотреть, как они целуются на заднем ряду? Нет уж, спасибо.

Я сажусь на скамейку у фонтана и просто сижу. Смотрю на воду, на монетки на дне, на детвору, которая бежит вокруг. Ко мне подходит маленькая девочка в розовом пальто и спрашивает:

— Тетя, вы плачете?

Я трогаю щеку — мокрая. Когда я успела?

— Нет, солнышко, — говорю я. — Это просто вода от фонтана.

Девочка смотрит недоверчиво, но убегает. А я вытираю лицо и беру себя в руки. Плакать буду дома. Сейчас мне нужно дождаться их и увидеть, что будет дальше.

15:40 дня.

Сеанс закончился. Они выходят из кинотеатра — она прижимается к нему, он обнимает ее за талию. У нее счастливое лицо. У него — довольное, сытое, как у кота, который налопался сметаны.

Я иду за ними до парковки. Они садятся в машину, целуются. Долго, взасос, как в последний раз. Я стою за припаркованным микроавтобусом и смотрю на это. Смотрю, как чужие руки моего мужа гладят чужую молодую спину. Как чужие губы целуют чужую молодую шею.

Потом они отрываются друг от друга, он что-то говорит, она кивает, выходит из машины и идет к своей, припаркованной рядом. Он уезжает первый. Она — через минуту.

Я остаюсь стоять. В голове пустота. В груди — огонь и лед одновременно.

17:20 вечера.

Я забрала детей от мамы. Приехала домой. Сварила ужин. Поиграла с Катей и Колей. Прочитала сказку. Уложила спать. Всё как обычно. Всё, как всегда.

Только руки трясутся и перед глазами стоит это кино. Красное белье. Мороженое. Поцелуй на парковке.

В 21:15 приходит Саша. С цветами. Снова с цветами.

— Привет, красавица моя, — говорит он и протягивает букет хризантем. — Как прошел день?

Я смотрю на него и вижу чужого человека. Нет, не чужого — врага. Враг стоит в моем коридоре, враг дарит мне цветы, враг улыбается и даже не подозревает, что я знаю.

— Нормально, — отвечаю я ровно. — В парке были, потом к маме заезжали. А ты как?

— Устал, — он трет шею, морщится. — Встреча с поставщиками, потом разъезды. Еле живой.

— С поставщиками, значит, — говорю я, глядя ему прямо в глаза.

На секунду мне кажется, что он колеблется. Что в его взгляде мелькает что-то похожее на страх. Но он тут же берет себя в руки.

— Ну да. А что?

— Да ничего, — я улыбаюсь. — Ужин на плите.

Он идет на кухню, я за ним. Сажусь напротив, смотрю, как он ест. Он всегда ест быстро, жадно, как будто боится, что отнимут. Раньше меня это умиляло. Сейчас — раздражает.

— Что-то случилось? — спрашивает он, заметив мой взгляд.

— Нет. Просто смотрю на тебя.

— И как? Насмотрелась?

— Не знаю, — говорю я. — Может быть.

Он откладывает вилку. В глазах настороженность.

— Свет, ты какая-то странная сегодня. Ты точно нормально себя чувствуешь?

— Абсолютно, — я встаю и начинаю убирать со стола. — Просто задумалась.

— О чем?

Я ставлю тарелки в раковину, поворачиваюсь к нему. Стою, опираясь спиной о столешницу, смотрю на него. Он сидит за столом, освещенный лампой, такой красивый, такой родной, такой чужой.

— О жизни, Саш. О том, как быстро все меняется. О том, как люди иногда живут с кем-то, а думают о другом.

Он бледнеет. Я вижу это. Совсем чуть-чуть, но вижу.

— К чему это ты?

— Ни к чему. Философствую.

Он молчит. Я молчу. В тишине слышно, как тикают часы на стене. Тик-так. Тик-так. Как тогда, ночью, когда я лежала и слушала это же тиканье, глядя в его спину.

— Свет, — говорит он наконец. — Ты что-то хочешь мне сказать?

А вот сейчас. Самый важный момент. Я могу все вывалить ему сейчас. Могу сказать, что я знаю про Алину, про красное белье, про поцелуй на парковке, про его «поставщиков». Могу устроить скандал, разбить посуду, выгнать его к чертям собачьим.

Но я не делаю этого. Потому что, если я сейчас это сделаю — игра закончится. А я не хочу, чтобы она заканчивалась. Я только вошла во вкус.

— Нет, Саш, — я улыбаюсь. — Просто я тебя люблю. И мне важно, чтобы ты это знал.

Он выдыхает. С облегчением. Прямо физически выдыхает.

— И я тебя люблю, малыш. Пойдем спать?

— Иди, я еще посуду помою.

Он уходит в спальню. А я стою у раковины, смотрю на свои руки в мыльной воде и думаю. Думаю о том, что сегодня я умерла. Умерла та Света, которая верила, что муж приносит цветы просто так, что задержки на работе — это работа, что ее семья — крепость.

Новая Света стоит у раковины и моет посуду. И у этой новой Светы есть план.

23:00 ночи.

Я захожу в спальню. Саша уже спит или притворяется. Я ложусь рядом, смотрю в потолок. Сегодня я не буду плакать. Сегодня я буду думать.

Завтра я начну искать работу всерьез. Послезавтра — поговорю с юристом. На следующей неделе — открою свой счет в банке. Мне нужно стать независимой. Мне нужно встать на ноги.

А потом, когда я буду готова, я ему все скажу. И посмотрю, как его красивое лицо вытянется от удивления.

— Спокойной ночи, Сашенька, — шепчу я в темноту. — Спи спокойно. Ты еще не знаешь, что тебя ждет.

Он не отвечает. Спит.

А я улыбаюсь. Впервые за сегодня — искренне.

P.S. Ночью мне приснился сон. Будто я вхожу в его пекарню, а там вместо хлеба на витрине лежат их фотографии. Саша и Алина. Целуются, обнимаются, смеются. Я беру эти фотографии, складываю в пакет и ухожу. А на улице — дождь. Тот самый, июньский, с которого все началось. Только теперь я не мокну под ним, а стою под зонтом. И мне не холодно.

Глава 5. Красная помада

Суббота. 8:40 утра.

Выходной. Саша дома. Дети визжат от счастья, потому что папа не ушел на работу и будет с ними целый день. Катя уже вцепилась ему в шею, Коля тащит машинки, чтобы показать новую трассу, которую мы вчера собрали.

Я сижу на кухне, пью кофе и наблюдаю за этой идиллией. Он хороший отец. Надо отдать ему должное. С детьми он нежен, терпелив, готов играть часами. Вот и сейчас валяется с ними на ковре в гостиной, изображает динозавра, рычит, дети визжат и заливаются смехом.

Раньше я смотрела на это и думала: "Какая же я счастливая". Сейчас смотрю и думаю: "Как же он может так легко врать? Смотреть им в глаза, обнимать их, а потом идти к ней?"

Вчерашний день не отпускает. Красное белье, поцелуй на парковке, его руки на ее спине. Я закрываю глаза и вижу это так ярко, будто это не воспоминание, а кино на внутренней стороне век.

— Мама! — Коля влетает на кухню, запыхавшийся, румяный. — Мама, папа сказал, мы сегодня пойдем в парк! На аттракционы! Ты с нами?

Я смотрю на него и таю. Как можно не растаять, когда на тебя смотрят эти глаза — точная копия Сашиных, только наивные, чистые, без единой лжи?

— Конечно, с вами, мой хороший. Куда ж я денусь?

— Ура! — Коля убегает обратно к папе.

А я допиваю кофе и думаю. Парк. Аттракционы. Семейный выходной. Идеальная картинка для Инстаграма. Только вот под этой картинкой — гниль.

12:30 дня.

Мы в парке. Осень в этом году выдалась на удивление теплая, солнце светит по-летнему, хотя уже ноябрь. Дети носятся между аттракционами, не знают, за что хвататься. Саша купил им сахарную вату, теперь они все в липких розовых нитках, счастливые до безумия.

Мы идем по аллее. Я под руку с Сашей. Со стороны — образцовая семья. Муж, жена, двое близнецов. Красивые, улыбающиеся. У прохожих, наверное, сердце радуется.

Если бы они только знали.

— Свет, — говорит Саша, когда дети убегают к каруселям. — Ты вчера странная была. Все нормально?

— А я сегодня не странная? — усмехаюсь я.

— Сегодня нормальная. А вчера... я подумал, может, обиделась на что?

— На что мне обижаться, Саш? — я смотрю ему прямо в глаза. — Цветы ты принес. Ужин сварила. Дети здоровы. Всё хорошо.

Он всматривается в мое лицо, пытается что-то прочесть. Я позволяю. Пусть смотрит. Пусть гадает. Мне даже нравится эта игра.

— Просто показалось, — он отводит взгляд первый. — Ладно, пойдем догонять наших монстров.

Мы догоняем детей. Сажаем их на карусель, машем руками, фоткаем. Я смотрю на Сашу, который счастливо улыбается, провожая взглядом Катю на розовой лошадке, и думаю: «А ведь он действительно счастлив. Прямо сейчас. Потому что у него есть и мы, и она. Две семьи. Две жизни. И никаких угрызений совести».

Интересно, он вообще способен на угрызения? Или там, внутри, у него вместо сердца — камень?

15:00 дня.

Дети устали и начали капризничать. Пора домой. Саша несет спящего Колю на руках, Катя плетется рядом, держась за мою руку, и хнычет, что хочет еще мороженого. Обычная картина уставшей семьи после прогулки.

Мы грузим детей в машину. Саша за рулем, я сзади с детьми. Коля посапывает в кресле, Катя прижимается ко мне и тоже засыпает. Тишина. Только мотор гудит.

— Свет, — говорит Саша, не оборачиваясь. — Я тут подумал. Может, тебе отдохнуть надо? Съездить куда-нибудь одной? К маме там или к подруге. А я с детьми посижу.

Я смотрю на его затылок. Интересный поворот.

— С чего вдруг такое предложение?

— Ну, ты все время дома, с детьми. Я понимаю, это тяжело. Хочется, чтоб ты отдохнула, развеялась.

— Чтобы я отдохнула или чтобы ты освободил вечер? — спрашиваю я спокойно.

Он чуть заметно напрягается. Я вижу это по тому, как пальцы сильнее сжали руль.

— При чем тут я? Ты же знаешь, я всегда рад побыть с детьми. Просто забота о тебе.

— Угу, — я смотрю в окно. — Спасибо, Саш. Я подумаю.

Подумаю. Особенно о том, с кем ты планируешь провести этот мой «отдых». С Алиной? В той квартире с видом на новостройки? Или может, в пекарне, на мешках с мукой, для остроты ощущений?

Мы приезжаем домой. Разгружаем спящих детей, укладываем их в кровати. Саша уходит в душ, а я сижу на кухне и смотрю в одну точку. В голове созревает план.

18:30 вечера.

Дети проснулись бодрые и голодные. Я кормлю их ужином, Саша помогает — нарезает хлеб, наливает сок. Идиллия продолжается.

Звонит телефон. Сашин. Он смотрит на экран, и я вижу, как меняется его лицо. Чуть-чуть, на долю секунды, но я вижу. Он сбрасывает звонок.

— Кто это? — спрашиваю я как бы невзначай.

— Да поставщик один, — он убирает телефон в карман. — В выходные достают, сил нет. Перезвоню в понедельник.

Я киваю. Поставщик. Конечно. Алина, наверное, интересуется, когда он освободится. Соскучилась, бедная.

— Саш, — говорю я. — А знаешь, я, наверное, съезжу завтра к маме. Одной. Ты прав, мне нужно развеяться.

Он смотрит на меня с удивлением и... радостью? Облегчением? Я уже научилась читать эти микро-выражения.

— К маме? — переспрашивает он.

— Ну да. Посидим, поговорим, чай попьем. Давно не виделись. Ты же говорил, что посидишь с детьми?

— Конечно, конечно! — слишком быстро отвечает он. — Я с удовольствием. Вы с мамой давно не общались. Отлично проведешь время.

— Отлично, — эхом отзываюсь я.

Завтра, значит, я еду к маме. А он, значит, получает свободный вечер. Интересно, насколько свободный? На всю ночь?

Проверим.

22:00 вечера.

Дети спят. Мы с Сашей смотрим телевизор. Сидим на диване, я прижалась к нему, он обнимает меня за плечи. На экране какой-то старый фильм, я даже не вникаю в сюжет. Я думаю о завтрашнем дне.

— Саш, — говорю я тихо. — А ты меня любишь?

Он поворачивается, смотрит с недоумением.

— Люблю. Ты чего?

— Просто спросила. Иногда мне кажется, что ты на меня внимания мало обращаешь. Все работа, работа.

— Свет, ты же знаешь, пекарня — это наше будущее. Я для вас стараюсь. Для тебя и для детей.

Я смотрю в его глаза. Такие честные. Такие открытые. Такие лживые.

— Я знаю, Саш. Я просто соскучилась.

— Я тоже, — он наклоняется и целует меня. Долго, нежно, как раньше. Я отвечаю, но внутри — пустота. Мои губы помнят, как он целовал ее на парковке. Дольше. Страстнее. По-другому.

Ночью, когда он засыпает, я беру его телефон. Пароль я знаю. Чат с Алиной открывается сразу.

«Завтра она уезжает к маме. Я свободен с 4-х. Приехать?» — это он написал в ответ на ее пропущенный.

«Конечно! Я соскучилась ужасно. Жду тебя, мой хороший. Может, вино взять?»

«Возьми. И то красное белье, что вчера купили»

«Ох ты ж мой шалунишка. Целую тебя везде»

«И я тебя. До завтра»

Я читаю и чувствую, как внутри разливается ледяная вода. То красное белье. Купленное вчера. При мне. Пока я стояла за витриной и делала вид, что рассматриваю комплекты.

Я ложусь обратно. Смотрю в потолок. Мысленно считаю до ста. Потом до тысячи.

Завтра у меня тоже планы. И они не включают визит к маме.

Воскресенье. 14:00 дня.

Я собираюсь. Аккуратно, не спеша. Говорю Саше, что буду у мамы до вечера, что они с детьми могут гулять, есть, что хотят, я полностью доверяю. Он кивает, улыбается, помогает мне надеть пальто.

— Отдыхай, — говорит он. — Не торопись. Мы справимся.

— Я знаю, — я чмокаю его в щеку, целую детей, выхожу за дверь.

На лестничной площадке я останавливаюсь. Прислушиваюсь. Слышу, как щелкает замок. Как Саша звонит кому-то. Голос приглушенный, но отдельные слова долетают:

— ...уехала... да, только что... через час буду... жди...

Я улыбаюсь. Через час, значит. Ну-ну.

Спускаюсь во двор, сажусь в машину. Но не уезжаю. Паркуюсь в соседнем дворе, откуда отлично видно наш подъезд. И жду.

Через сорок минут из подъезда выходит Саша. При параде: свежая рубашка, куртка дорогая, волосы уложены. Он садится в машину и уезжает. Я за ним.

15:20 дня.

Он приезжает к тому самому дому. К новостройке, где живет она. Выходит из машины, оглядывается, заходит в подъезд.

Я жду пять минут. Десять. Пятнадцать.

Потом выхожу из машины, подхожу к домофону. Набираю код, который подсмотрела вчера в его телефоне (он записывал, чтобы не забыть). Захожу в подъезд.

Лифт. Шестой этаж. Квартира 64.

Я стою перед дверью. Обычная металлическая дверь, ничем не примечательная. За этой дверью — мой муж и его любовница. Они там, пьют вино, надевают красное белье, занимаются любовью.

Я поднимаю руку, чтобы позвонить. И замираю.

А что я скажу? «Здравствуйте, я жена, откройте, я пришла на огонек?» Или: «Саша, ты забыл дома носки, я принесла?» Или просто ворваться и устроить скандал?

Рука опускается. Я стою перед дверью и не знаю, что делать. В голове пустота. Сердце колотится где-то в ушах.

А потом из-за двери доносится звук. Женский смех. И его голос, что-то говорящий. Потом снова смех, потом тишина.

Я разворачиваюсь и ухожу.

Выхожу из подъезда, сажусь в машину, завожу мотор и еду. Куда? Сама не знаю. Просто еду вперед, сквозь город, сквозь вечер, сквозь эту тупую, разьедающую душу боль.

19:30 вечера.

Я сижу в парке на той самой скамейке, где мы с Сашей целовались пять лет назад. Скамейка старая, краска облупилась, «Лена + Дима = love» почти стерлось дождями. Я сижу и смотрю на детскую площадку, где теперь чужие дети качаются на качелях.

Звонит телефон. Мама.

— Света, ты где? Я тебя жду, ужин готов, а тебя нет.

— Мам, я не приеду, — голос хриплый, чужой. — Извини, передумала.

— Что случилось?

— Ничего. Просто устала. Домой поеду.

— Света, не ври мне. Голос у тебя не тот. Что он сделал?

Молчание. Я не могу сказать. Если я скажу вслух — это станет реальностью.

— Мам, я потом все объясню. Прости. Я люблю тебя.

Я отключаюсь и смотрю на телефон. Сообщение от Саши: «Как ты там? Отдыхаешь? Мы с детьми в парке, все отлично»

В парке. С детьми. Ага. Прямо сейчас он, наверное, с детьми. Виртуальными.

Я не отвечаю.

Сижу до темноты. Пока фонари не зажигаются, пока не становится холодно. Потом встаю и иду к машине.

22:15 вечера.

Я приезжаю домой. В окнах горит свет. Саша с детьми дома. Я захожу — картина маслом: он на диване с Колей, читает книжку, Катя рядом рисует. Уют, покой, семья.

— Мама приехала! — Коля бросается ко мне. — Мама, мы так скучали! Папа водил нас в парк, мы ели мороженое, а потом он сказал, что мы будем тебя ждать и читать книжку!

Я глажу его по голове, смотрю на Сашу. Он улыбается. Спокойно, открыто, чисто.

— Как посидели с мамой? — спрашивает он.

— Отлично, — говорю я. — Мама передавала привет.

— Рад, что ты отдохнула.

Я киваю. Иду на кухню, ставлю чайник. Саша заходит следом.

— Свет, — говорит он тихо, чтобы дети не слышали. — Ты какая-то... не такая. Все нормально?

Я поворачиваюсь к нему. Смотрю в глаза. Такие красивые. Такие лживые.

— Все хорошо, Саш. Правда. Просто устала.

Он обнимает меня. Я позволяю. Его руки на моей талии — те же руки, что пару часов назад гладили ее молодую спину. Его губы касаются моей шеи — те же губы, что пили вино из ее губ.

— Я люблю тебя, — шепчет он.

— И я тебя, — автоматически отвечаю я.

Мы пьем чай. Укладываем детей. Ложимся спать. Он засыпает быстро, обняв меня со спины, уткнувшись носом в затылок.

Я лежу с открытыми глазами и смотрю в стену.

Завтра понедельник. Новая неделя. Новая жизнь. Я больше не буду плакать. Я больше не буду ждать. Я буду действовать.

Первым делом — юрист. Потом — работа. Потом — банковский счет. А потом... потом я покажу ему, что значит играть со мной в эти игры.

Я закрываю глаза и улыбаюсь в темноте. Завтра будет новый день. И он станет первым днем моей свободы.

Глава 6. Точка невозврата

Понедельник. 4:30 утра.

Я не сплю.

Лежу и смотрю, как за окном медленно светлеет небо. Сначала черное, потом темно-синее, потом серое, потом розовое по краям. Никогда не думала, что рассвет может быть таким красивым. И таким одиноким.

Саша спит. Развалился на кровати, раскинув руки, дышит глубоко и ровно. Ему хорошо. Ему всегда хорошо. У него есть я, дети, она, пекарня, две жизни. А у меня есть только он. Был. Был. Какое страшное слово. Всего одна буква, а меняет всё.

В 5:30 звонит его будильник. Он встает, потягивается, идет в душ. Я притворяюсь спящей. Смотрю сквозь ресницы, как он собирается. Как выбирает рубашку, как брызгается одеколоном, как смотрит на себя в зеркало и довольно улыбается.

Новый день. Новая встреча с ней.

Перед уходом он подходит к кровати, целует меня в щеку. Я еле сдерживаюсь, чтобы не отшатнуться.

— Пока, малыш, — шепчет он. — Круассаны на столе.

Дверь закрывается. Я открываю глаза и смотрю в потолок.

Круассаны на столе. Каждое утро. Как ритуал. Как доказательство любви. Как откупные.

Я лежу еще час. Просто смотрю в потолок и думаю. Думаю о том, как буду жить дальше. О том, что скажу детям. О том, что скажу маме. О том, что скажу ему, когда наступит тот самый момент.

В 6:30 просыпаются дети. Влетают в комнату с криками «мама-мама-мама», прыгают на кровать, обнимают, целуют. Катя пахнет сном и детским шампунем, Коля — теплом и почему-то пластилином. Я прижимаю их к себе и чувствую, как к горлу подкатывает ком.

— Мама, ты чего плачешь? — Катя замечает слезы раньше, чем я успеваю их вытереть.

— Это не плачу, солнышко. Это глаза чешутся. Аллергия, наверное.

— На что аллергия? — Коля тут же включается в расследование.

— На жизнь, наверное, — бормочу я, но они уже не слушают, переключаются на обсуждение, кто первый пойдет чистить зубы.

День начинается. Обычный день. Каша, одевание, сборы в сад, вечная битва за шапку с Колей, вечная битва за колготки с Катей. Я действую на автомате, как робот. Улыбаюсь, когда надо улыбаться, ругаюсь, когда надо ругаться, целую в макушки, когда они этого ждут.

А внутри — пустота. И холод. И этот проклятый вопрос: «За что?»

9:45 утра.

Дети в саду. Я сижу на кухне, пью холодный кофе и смотрю на телефон. Вчера вечером я нашла в интернете адвоката по бракоразводным процессам. Женщина, опытная, с хорошими отзывами. Записалась на консультацию на завтра.

Рука тянется к телефону, чтобы отменить. Зачем мне адвокат? Может, все образуется? Может, он одумается? Может, это просто временное помутнение?

Я вспоминаю вчерашний день. Как он смотрел на нее. Как целовал на парковке. Как писал «и то красное белье». Как улыбался, когда думал, что я ничего не знаю.

Нет. Это не помутнение. Это выбор. Он сделал свой выбор. Теперь моя очередь.

Я не отменяю запись.

12:30 дня.

Звонит подруга Ира. Мы не общались две недели — она была в командировке. Я беру трубку и слышу ее бодрый голос:

— Светка! Привет! Я вернулась! Давай встретимся, соскучилась ужасно!

— Привет, — мой голос звучит глухо, как из бочки.

— Ты чего? Заболела?

— Ир, — я замолкаю, потому что не знаю, с чего начать. — Ир, он мне изменяет.

Тишина в трубке. Потом осторожное:

— Ты уверена?

— Да.

— Рассказывай.

И я рассказываю. Все. Про чек, про сообщения, про слезку, про красное белье, про вчерашний день, про дверь, за которой они смеялись. Голос срывается, но я не плачу. Я уже выплакала все за эту ночь.

Ира слушает молча. Только иногда вставляет «Господи», «тварь», «сука». Когда я заканчиваю, она говорит:

— Я сейчас приеду. Сиди дома.

— Не надо, Ир, у тебя работа...

— К черту работу. Жди.

Она приезжает через час. С тортом. Почему-то с тортом. Врывается в квартиру, обнимает меня так крепко, что хрустят кости, и мы стоим в прихожей, и я наконец-то плачу. В голос, в истерику, как ребенок. А она гладит меня по голове и шепчет:

— Дура ты, Светка. Красивая, умная, добрая дура. Как ты могла такое терпеть? Как ты могла молчать?

— Я не знала, Ир. Я только в пятницу узнала.

— И сразу мне не позвонила?

— Стыдно было.

— Чего стыдно? Ты не изменяла. Он изменял. Тебе стыдно должно быть за то, что ты его до сих пор не убила.

Я смеюсь сквозь слезы. Ирка умеет вытаскивать из бездны. Мы сидим на кухне, пьем чай с тортом, и я рассказываю снова. Уже спокойнее, по полочкам. Ира слушает и качает головой.

— Значит так, — говорит она, когда я заканчиваю. — Первое: ты идешь завтра к адвокату. Я с тобой. Второе: ты начинаешь искать работу. Я помогу, у меня есть знакомые. Третье: ты не смей его прощать, слышишь? Не смей!

— А если он будет просить?

— Пусть просит. Ты посмотришь на это красивое шоу и пошлешь его лесом. Ты заслуживаешь большего, чем роль дежурной жены, пока он развлекается с молоденькими шлюхами.

— Она не шлюха, Ир. Она просто влюбленная дура, как я когда-то.

— Ах, какая разница! — Ира машет рукой. — Пусть хоть принцесса Диана. Он женат. У него дети. Он клялся. Точка.

Я молчу. Потому что она права. Абсолютно права.

17:30 вечера.

Ира уехала. Я забрала детей из сада, накормила, играю с ними в лего. Коля строит космический корабль, Катя лепит из пластилина еду для своих кукол. Обычный вечер. Обычная жизнь.

В 19:00 приходит Саша. Раньше обычного. С цветами. Опять.

— Привет, мои хорошие! — он чмокает меня в щеку, треплет детей по головам. — Как прошел день?

— Нормально, — я забираю цветы, ставлю в вазу, даже не нюхая.

— Я пораньше сегодня. Думал, может, в кино сходим? Или просто посидим, фильм посмотрим?

— Детей не с кем оставить, — отвечаю я ровно.

— Так они уже большие, лягут спать — и мы свободны.

Я смотрю на него. Он такой искренний сейчас. Такой заботливый. Как будто и нет никакой Алины, никакого красного белья, никакого воскресного вечера в чужой квартире.

— Саш, — говорю я. — А ты меня любишь?

Он замирает на секунду. Потом подходит, обнимает.

— Люблю, конечно. Ты чего спрашиваешь?

— Просто так. Хочу слышать это чаще.

— Я тебя люблю, — говорит он, глядя в глаза. — Ты моя жена. Мать моих детей. Самый близкий человек.

Я смотрю в эти глаза. Красивые. Карие. С золотыми крапинками. Глаза, в которых я тонула пять лет назад. Глаза, которые сейчас смотрят на меня и врут.

— Я тоже тебя люблю, Саш, — говорю я.

И это, наверное, самая страшная ложь из всех. Потому что я действительно его люблю. До сих пор. Несмотря ни на что.

22:30 вечера.

Дети спят. Мы с Сашей на диване, смотрим какой-то фильм. Он обнимает меня, я прижимаюсь к нему. Тепло. Уютно. Спокойно.

Если бы я не знала.

Телефон Саши лежит на журнальном столике экраном вверх. Вибрирует. Сообщение. Я вижу только первую строчку: «Саш, я скучаю, когда ты...»

Он быстро хватается телефон, смотрит, убирает в карман.

— Кто там? — спрашиваю я как можно равнодушнее.

— Да Илья, с работы. Вечно проблемы.

— Угу.

Мы продолжаем смотреть фильм. Я чувствую, как он напряжен. Как его рука на моем плече стала тяжелой и чужой. Как он то и дело поглядывает на часы.

Хочет, чтобы я поскорее уснула? Чтобы написать ей?

Я притворяюсь, что засыпаю. Зеваю, тру глаза.

— Пойду спать, что-то устала.

— Иди, я еще немного посмотрю, — он чмокает меня в лоб.

Я ухожу в спальню, ложусь, закрываю глаза. Но не сплю. Жду.

Через полчаса он заходит в спальню. Смотрит на меня, проверяет, сплю ли. Я дышу ровно, как спящая. Он ложится рядом, ворочается, потом затихает.

Но я знаю. Я чувствую. Он не спит. Он лежит и думает о ней. О том, как они встретятся завтра. О том, что она написала. О том, что он ей ответит.

Мы лежим рядом, в одной кровати, под одним одеялом. Но между нами — пропасть. И я не знаю, можно ли через эту пропасть перекинуть мост.

И главное — хочу ли я его перекидывать?

Вторник. 3:15 ночи.

Я просыпаюсь от того, что Саши рядом нет. Кровать пустая, холодная. Я прислушиваюсь — из ванной доносится тихий голос.

Он разговаривает по телефону.

Я встаю, подхожу к двери спальни, приоткрываю. Голос слышен лучше.

— ...скучаю, зайка. Завтра обязательно. Да, она ничего не знает. Спит. Я тоже хочу тебя обнять... Нет, не могу сейчас, она проснется... Целую... Спокойной ночи, моя девочка.

Щелчок — он отключился. Шум воды — моет руки, наверное. Потом шаги.

Я быстро ложусь в кровать, закрываю глаза. Сердце колотится так, что, кажется, слышно во всей квартире.

Саша ложится рядом. Через минуту его дыхание становится ровным. Заснул. Легко, без угрызений совести.

А я лежу и смотрю в потолок. И вдруг понимаю одну простую вещь.

Точка невозврата пройдена.

Я не знаю, когда это случилось. Может, когда я увидела их на парковке. Может, когда читала его переписку. Может, прямо сейчас, когда услышала, как он называет её «моя девочка».

Но что-то внутри меня умерло. То, что держало меня на плаву все эти годы. Вера. Надежда. Любовь.

Осталась только пустота. И холод. И злость. Много злости.

Я сжимаю кулаки под одеялом и даю себе слово. Я больше не буду жертвой. Я больше не буду плакать. Я больше не буду надеяться, что он одумается.

Я буду бороться. За себя. За детей. За свою новую жизнь.

А он... он получит то, что заслуживает.

6:30 утра.

Саша ушел на работу. Не поцеловал на прощание — я притворилась спящей, и он не стал будить. Круассаны на столе. Записка: «Зайцам. Хорошего дня».

Я смотрю на эту записку и чувствую только отвращение.

Зайцам. Какие мы зайцы? Мы люди. Живые люди с живыми чувствами. А он обращается с нами как с игрушками — поставил на полку и забыл, пока не понадобятся.

Я комкаю записку и выбрасываю в мусорку.

Потом бужу детей, кормлю завтраком, одеваю, веду в сад. Всё как обычно. Только внутри — стальной стержень. Я больше не прогибаюсь.

В 10:00 утра я звоню Ире.

— Ир, ты со мной к адвокату?

— Конечно. Заеду за тобой в 12.

— Спасибо. Ты настоящий друг.

— Свет, — голос Иры серьезный. — Ты держись. Ты сильная. Ты справишься.

— Я знаю, — говорю я. — Я справлюсь.

Иду в душ, долго стою под горячей водой, будто пытаюсь смыть с себя все эти дни, все эти ночи, всю эту боль. Не смывается.

Смотрю на себя в зеркало. Глаза красные, под глазами синяки, губы искусанные. Но во взгляде — что-то новое. Жесткость.

— Света, — говорю я своему отражению. — Ты справишься. Ты справишься. Ты справишься.

Как мантру повторяю, пока крашусь, пока одеваюсь, пока собираю документы.

В 12:00 заезжает Ира. Мы едем к адвокату. Я сижу на пассажирском сиденье и смотрю в окно. Город привычный, родной, но вижу я его как будто впервые. Дома, машины, люди. Каждый со своей болью. Каждый со своей историей.

— Не бойся, — говорит Ира, сжимая мою руку на светофоре. — Все будет хорошо.

— Я не боюсь, — отвечаю я. — Мне уже нечего терять.

— У тебя есть ты. И дети. Это главное.

Я киваю. Она права. У меня есть я. И я еще не знаю, на что способна эта новая я.

Но скоро узнаю.
Очень скоро.

Глава 7. Чужие люди

Вторник. 13:30 дня.

Кабинет адвоката находится в старом центре, в здании с лепниной на потолке и скрипучим паркетом. Приемная пахнет пылью и кофе. На стене — диплом в золотой рамке и фотография женщины в мантии. Ира сидит рядом, сжимает мою руку.

— Светлана? — из дверей выглядывает женщина лет пятидесяти, строгая, с седыми волосами, собранными в пучок, и внимательными глазами. — Заходите.

Елена Петровна. Адвокат с тридцатилетним стажем. Ирина сказала, что лучшая в городе по бракоразводным процессам.

Мы заходим в кабинет. Садимся напротив нее за огромный дубовый стол. Я чувствую себя маленькой и никчемной.

— Рассказывайте, — говорит Елена Петровна, открывая блокнот.

Я рассказываю. Снова. Уже в который раз за эти дни. Про чек, про слежку, про квартиру, про переписку. Голос не дрожит. Я научилась говорить об этом спокойно. Как о чужой истории.

— Доказательства у вас есть? — спрашивает адвокат.

— Скриншоты переписки. Фотографии. Я знаю адрес квартиры, где они встречаются.

— Отлично. Это нам пригодится. А что с финансами?

— Я не работаю. Домохозяйка. Он дает деньги на хозяйство, но своего счета у меня нет.

Елена Петровна смотрит на меня с сочувствием.

— Типичная ситуация. Женщина растворяется в семье, а когда семья рушится, остается у разбитого корыта. Но не переживайте. По закону вы имеете право на половину всего, что нажито в браке. Включая пекарню.

— Пекарня оформлена на него.

— Неважно. Открыта в браке — значит, совместно нажитое имущество. Если докажем, что он изменял, суд может быть на вашей стороне. Особенно с детьми.

— Я не хочу отбирать у него пекарню, — говорю я тихо. — Я просто хочу справедливости.

— Справедливость, милая, — Елена Петровна вздыхает, — это когда вы не остаетесь на улице с двумя детьми. А пекарня — это ваш доход. Ваше будущее. Не будьте слишком благородной. Мужчины не ценят благородства.

Она права. Я знаю, что она права. Но внутри все сжимается при мысли, что придется делить его бизнес. Его любимую пекарню, которую он создавал с нуля.

— Что мне делать дальше? — спрашиваю я.

— Первое: начните собирать документы. Свидетельство о браке, о рождении детей, документы на квартиру, на машину. Все, что найдете. Второе: постарайтесь узнать точные доходы мужа. Третье: открывайте свой счет и начинайте откладывать. Любые деньги, которые сможете.

— Я ищу работу.

— Отлично. Работа — это ваша независимость. Даже если помиритесь, работа даст вам уверенность. А если нет — подушка безопасности.

Я киваю. Записываю в блокнот. Чувствую себя шпионкой в собственном доме.

— И последнее, — Елена Петровна смотрит мне прямо в глаза. — Не говорите ему ничего. Пока не соберете все доказательства и не будете готовы к разговору. Если он узнает раньше, может переписать имущество, спрятать деньги, сделать так, что вы ничего не получите. Поняли?

— Поняла.

— Молодец. Держитесь. Вы не одна. Приходите, когда соберете документы, начнем готовить иск.

Мы прощаемся. Выходим на улицу. Ира обнимает меня.

— Ну как ты?

— Странно. Как будто не про свою жизнь говорю.

— Это пройдет. Ты привыкнешь. Главное — держись.

Я сажусь в машину и смотрю в окно. Город живет своей жизнью. Люди спешат по делам, кто-то смеется, кто-то ссорится, кто-то влюбляется. А я сижу и пытаюсь понять, как дожить до вечера, когда нужно будет снова смотреть ему в глаза и улыбаться.

17:30 вечера.

Дети в саду. Я забираю их, везу домой. Коля сегодня нарисовал в садике рисунок — нашу семью: папа, мама, Катя, он и почему-то кот, хотя у нас нет кота.

— Это Барсик, — объясняет Коля. — Он у нас будет жить. Папа обещал.

— Папа обещал кота?

— Ага. Сказал, что скоро у нас будет кот. Самый лучший.

Я слатываю ком. Кот. Новый член семьи. Интересно, он и ей обещал кота? Или только красное белье?

Катя ревнует: — А мне папа обещал куклу! Большую, как настоящая!

— Всем папа обещает, — бормочу я.

Дома начинается вечерняя рутина. Ужин, купание, сказки. Я действую на автопилоте, а сама все время прокручиваю в голове разговор с адвокатом. Половина пекарни. Мое будущее. Моя независимость.

В 20:30 приходит Саша. Сегодня без цветов. Зато с уставшим лицом и мешками под глазами.

— Привет, — целует меня в щеку. — Как вы?

— Нормально. Ужин на плите.

— Спасибо. Я в душ, с ног валюсь.

Он уходит в ванную. Я слышу шум воды и вдруг понимаю, что мне все равно. Абсолютно все равно, устал он или нет, голоден или сыт, доволен жизнью или нет. Раньше я бежала к нему с вопросами, с заботой, с теплом. А сейчас сижу на кухне и смотрю в одну точку.

Чужие люди. Мы стали чужими людьми, живущими в одной квартире.

Он выходит из душа, садится ужинать. Я сижу напротив, пью чай. Молчим.

— Свет, — говорит он вдруг. — А давай съездим куда-нибудь на выходные? Вдвоем. Мама посидит с детьми.

Я поднимаю глаза.

— Куда?

— Ну, не знаю. В гостиницу за городом. Или в соседний город, погулять. Давно мы не были вдвоем.

— Давно, — соглашаюсь я. — Только у тебя же работа.

— Найду время. Для тебя найду.

Смотрю на него. Он искренен. Прямо сейчас, в эту минуту, он искренне хочет провести время со мной. Потому что совесть замучила? Потому что понял, что теряет? Или просто хочет прикрыть свою задницу на случай, если я что-то заподозрила?

— Давай, — говорю я. — Только предупреди заранее, я маме скажу.

Он улыбается. Облегченно так, радостно. Подходит, обнимает.

— Я тебя люблю, Света.

— И я тебя, Саша.

Ложь. Сплошная ложь. С обеих сторон.

23:00 вечера.

Он спит. Я беру его телефон. Пароль все тот же — дата свадьбы. Интересно, он не меняет, потому что доверяет? Или потому, что уверен, что я никогда не посмотрю?

Чат с Алиной. Новые сообщения.

«Завтра в 15:00 получится?» — это она.

«Да. Она будет на собеседовании» — это он.

«На каком собеседовании?»

«Работу ищет. Говорит, скучно дома»

«Ого. А ты не против?»

«Нет. Пусть развлекается. Меньше вопросов будет»

«Хитрый. Жду завтра. Целую»

«И я»

Я смотрю на экран и чувствую, как внутри закипает лава. Пусть развлекается. Меньше вопросов будет. Он не просто изменяет. Он надо мной смеется. Он использует мои попытки найти работу как прикрытие для своих встреч.

Я делаю скриншот. Отправляю себе. Удаляю историю отправки. Кладу телефон на место. Лежу, смотрю в потолок. Дышу глубоко, чтобы не закричать.

Пусть развлекается. Хорошо. Я буду развлекаться тоже. Только по-своему.

Среда. 10:00 утра.

Я на собеседовании. Частный детский сад ищет помощника воспитателя. Директор — женщина лет сорока, уставшая, но доброжелательная. Смотрит мое резюме (я набросала на скорую руку), кивает.

— Опыта работы у вас нет, но образование педагогическое. С детьми своими сидели — это плюс. Почему решили работать?

— Хочу быть независимой, — говорю честно. — Дети подросли, появилось время.

— Муж не против?

— Муж поддерживает.

Она смотрит на меня внимательно. Кажется, видит больше, чем я говорю.

— Знаете, Светлана, я возьму вас на испытательный срок. Месяц. Если справитесь — оформим официально. Зарплата небольшая, но для начала пойдет.

— Спасибо большое! — я почти плачу от радости. — Я справлюсь, обещаю.

— Верю. Выходите в понедельник. К восьми утра. Форму выдадим.

Я выхожу из садика и чувствую, как внутри что-то оттаивает. Первая маленькая победа. Первый шаг к свободе.

Звоню Ире.

— Ир, меня взяли!

— Молодец! Я же говорила! Отмечать будем?

— Вечером. Сейчас домой, дела.

— Свет, — голос Иры становится серьезным. — Ты ему скажешь?

— Скажу. Пусть знает, что я не просто домохозяйка. Пусть знает, что у меня есть своя жизнь.

— Осторожно только. Не проколишь раньше времени.

— Не проколюсь. Я теперь умею играть.

14:30 дня.

Я дома, собираюсь в магазин. Заодно проверяю, уехал ли Саша к ней. Стою у окна и вижу, как его машина выезжает со двора. Набираю номер его телефона.

— Привет, — говорю весело. — Ты где?

— На встрече, — голос напряженный. — А что?

— Да хотела сказать, что меня взяли на работу. В частный садик. Помощником воспитателя.

Пауза. Секундная, но я ее слышу.

— Поздравляю, — говорит он. — Молодец. А когда выходить?

— В понедельник.

— Отлично. Я рад за тебя.

— Спасибо. Ну, не отвлекаю. Работай.

— Ага. Пока.

Кладет трубку. Я смотрю на телефон и улыбаюсь. Интересно, она рядом? Слышит разговор? Радует, что я "развлекаюсь" и не мешаю им?

Ничего. Скоро вы оба узнаете, что такое настоящее развлечение.

19:30 вечера.

Саша пришел домой вовремя. Даже чуть раньше. Снова с цветами. Снова с улыбкой.

— За твою новую работу! — говорит он, вручая букет. — Горжусь тобой.

— Спасибо, — я принимаю цветы, ставлю в вазу. — Ужин готов.

Мы ужинаем. Он рассказывает про пекарню, про новые заказы, про планы. Я киваю, улыбаюсь, поддакиваю. Хорошая жена. Заботливая. Понимающая.

Дети радуются, что папа дома. Катаются на нем верхом, визжат. Он смеется, валяется с ними на ковре. Идиллия.

Я смотрю на это со стороны и думаю: как же так получилось? Как мы дошли до этой точки? Где мы свернули не туда?

Может, это я виновата? Может, мало любила, мало заботилась, мало уделяла внимания? Может, если бы я была другой, он бы не искал на стороне?

Мысль липкая, противная, въедливая. Я гоню ее прочь. Адвокат сказала: не вини себя. Измена — это выбор. Его выбор. Не мой.

Но легче не становится.

23:00 вечера.

Дети спят. Мы с Сашей на кухне, пьем чай. Тишина. Не напряженная, а какая-то... пустая.

— Свет, — говорит он. — А ты счастлива со мной?

Я поднимаю глаза. Вопрос неожиданный. Опасный.

— Счастлива, — говорю я. — А что?

— Да так. Просто подумал... мы редко говорим о чувствах. Все бегом, все дела. Я иногда забываю тебе говорить, как ты важна для меня.

— Говоришь. Цветами, записками.

— Этого мало, — он берет мою руку. — Я хочу, чтобы ты знала. Ты — моя семья. Ты и дети. Это главное в моей жизни.

Смотрю на него. Глаза честные, голос искренний. Как у того Саши, который пять лет назад кормил меня круассанами под дождем.

— Я знаю, — говорю я.

Он наклоняется, целует мои пальцы. Я позволяю. Смотрю на его макушку и чувствую только пустоту.

Слишком поздно, Саша. Ты опоздал. Месяц назад, полгода назад, год назад эти слова растопили бы мое сердце. А сейчас...

Сейчас я вижу только ложь. Красивую, упакованную, почти настоящую. Но ложь.

Четверг. 8:00 утра.

Новый день. Саша на работе, дети в саду, я дома. Сажу за ноутбуком, ищу информацию о том, как открыть свой счет. Оказывается, это просто. Паспорт, ИНН, и через час ты уже самостоятельная единица.

Звоню в банк, записываюсь на завтра.

Потом звоню Елене Петровне.

— Я собрала документы. И нашла работу. И хочу открыть счет.

— Отлично, Светлана. Вы молодец. Приходите завтра после банка, обсудим стратегию.

— Спасибо.

Я кладу трубку и чувствую, как внутри разрастается что-то новое. Не боль, не страх, не обида. А что-то похожее на силу.

Я больше не жертва. Я воин. Я буду сражаться за свою жизнь.

15:00 дня.

Саша сейчас с ней. Я знаю. Я не слежу сегодня — незачем. Но я знаю. Чувствую кожей.

Сажу на кухне, пью кофе, смотрю в окно. За окном серо, моросит дождь. Как в тот день, когда мы встретились.

Только теперь я по ту сторону стекла. И жду не чуда, а справедливости.

Звонит телефон. Мама.

— Света, как ты? Я волнуюсь. Ты странная в последнее время.

— Все хорошо, мам.

— Не ври. Я мать, я чувствую. Что случилось?

Молчание. Длинное, тяжелое.

— Мам, — говорю я. — Он мне изменяет.

Тишина в трубке. Потом мамин голос, изменившийся, постаревший:

— Ты уверена?

— Да.

— Сволочь, — выдыхает мама. — Какая же сволочь. А ты? Ты как?

— Держусь.

— Я приеду.

— Не надо, мам. Я сама справлюсь.

— Света, ты моя дочь. Я буду рядом. Всегда. Ты поняла?

— Поняла, мам. Спасибо.

Мы говорим еще полчаса. Я рассказываю все. Мама слушает, вздыхает, ругается, снова вздыхает. В конце говорит:

— Ты сильная. Я в тебя верю. И помни: что бы ни случилось, у тебя есть я. И дети. А он... он еще пожалеет. Обязательно пожалеет.

— Спасибо, мама.

Я кладу трубку и чувствую, как по щекам текут слезы. Впервые за эти дни — теплые, живые слезы. Потому что я не одна. У меня есть мама. У меня есть Ира. У меня есть я.

А он... он просто чужой человек, который когда-то был моим мужем.

Глава 8. Моя жизнь

Пятница. 9:00 утра.

Сегодня важный день. День, когда я перестаю быть просто "женой Саши" и становлюсь Светланой — человеком со своим счетом, своей работой и своей жизнью.

Я стою перед зеркалом в прихожей и рассматриваю себя. Юбка, блузка, легкий макияж. Не домохозяйка в растянутом халате, а женщина, которая идет решать свои дела. Саша уже ушел, детей я отвела в сад, впереди — целый день свободы.

— Ну что, Света, — говорю я своему отражению. — Поехали.

Банк находится в центре, в стеклянном здании с охраной на входе. Я чувствую себя немного не в своей тарелке — вокруг снуют серьезные люди в деловых костюмах, громко разговаривают по телефонам, пьют кофе из бумажных стаканчиков. А я стою в очереди к окошку с пакетом документов, как первоклашка перед экзаменом.

— Девушка, вы куда? — спрашивает консультант, когда подходит моя очередь.

— Открыть счет, — говорю я твердо.

— Личный? Для зарплаты?

— Личный. Для себя.

Девушка за стеклом смотрит на меня с легким удивлением, но кивает. Заполняем бумаги, я ставлю подписи, ввожу пароль. Через двадцать минут у меня есть своя пластиковая карта. Скромная, без золота и бриллиантов, но моя.

Я выхожу из банка и улыбаюсь. Прямо посреди улицы, под серым ноябрьским небом, стою и улыбаюсь, как дура. В кошельке лежит карта, на счету — тысяча рублей, которые я сняла с хозяйственных денег (отложила за неделю, сэкономила на кофе и булочках). Это смешные деньги. Но это МОИ деньги.

— С днем рождения, Света, — шепчу я. — С днем рождения твоей новой жизни.

11:30 утра.

Я сижу в кафе, жду Иру. Заказала кофе и круассан. Откусываю и чуть не давлюсь — такой же, как у Саши. Тот же рецепт, тот же вкус. Тот же запах.

Я откладываю круассан в сторону. Больше не хочу.

Приходит Ира. Садится напротив, внимательно смотрит на меня.

— Ну как ты?

— Отлично. У меня есть счет. И карта. Я теперь самостоятельная единица.

— Молодец! — Ира хлопает в ладоши. — А он не узнает?

— Не узнает. Я буду класть туда понемногу. С работы. С хозяйственных. Он не считает, сколько я трачу.

— Осторожнее. Мужики такие вещи чувствуют.

— Не чувствуют, — качаю головой. — Он сейчас вообще ничего не чувствует, кроме своей Алины.

Ира вздыхает. Какое-то время мы молчим. Пьем кофе. Я смотрю в окно на прохожих.

— Ир, — говорю я. — А ты бы смогла простить измену?

— Не знаю, — честно отвечает она. — Думаю, нет. Доверие — это как ваза. Склеить можно, но трещины останутся. И каждый раз, глядя на эту вазу, ты будешь помнить, что она разбивалась.

— Вот и я о том же.

— А ты? Ты простишь?

Я молчу долго. Перебираю в голове все — чек, сообщения, красное белье, поцелуй на парковке, ночной звонок «моя девочка». Каждый эпизод — как нож в сердце.

— Не знаю, Ир. Часть меня все еще его любит. Ту часть, которая помнит, как он встречал меня из роддома с цветами и слезами на глазах. Как ночами не спал с Колей, когда у того были колики. Как говорил, что мы — его все.

— А другая часть?

— Другая часть хочет его убить. Медленно и с удовольствием.

Ира смеется, но как-то грустно.

— Знаешь, Свет, я думаю, это нормально. Ненормально — делать вид, что ничего не случилось. Или прощать сразу, не разобравшись.

— Я и не прощаю. Я собираю силы.

— И правильно. Ты сильная. Я всегда это знала.

Мы сидим еще час. Говорим о всякой ерунде, смеемся, как раньше. И на какое-то время я забываю, что моя жизнь рухнула. Просто сижу с подругой, пью кофе, болтаю. Как нормальный человек.

14:00 дня.

Я у Елены Петровны. Раскладываю на столе документы — свидетельства, выписки, чеки. И скриншоты. Много скриншотов.

Адвокат смотрит, кивает, раскладывает по папочкам.

— Хорошая работа, Светлана. Вы молодец. С такими доказательствами мы можем просить не только половину имущества, но и компенсацию морального вреда.

— Я не хочу компенсацию. Я хочу справедливость.

— Справедливость — это когда вы обеспечены. Когда дети не нуждаются. Когда он не сможет оставить вас на улице.

— Я понимаю. Но пекарня... она для него как ребенок. Если я отберу половину...

— Светлана, — Елена Петровна смотрит на меня строго. — Вы жалуете человека, который вам изменяет. Который тратит семейные деньги на красное белье для любовницы. Который смеется над вами в переписке. Вы правда хотите его жалеть?

Я молчу. Потому что она права. Абсолютно права.

— Хорошо, — говорю я. — Делайте все по закону.

— Вот и умница. Идите. Я подготовлю документы. На следующей неделе встретимся.

Я выхожу из кабинета и чувствую тяжесть. На плечах будто мешок с камнями. Но это правильная тяжесть. Тяжесть ответственности за свою жизнь.

17:30 вечера.

Дети. Снова дети. Катя сегодня капризничает, не хочет есть, требует шоколадку. Коля разбил коленку в садике, теперь ходит с зеленкой и гордится, как герой.

— Мама, смотри, у меня теперь как у солдата! — показывает он.

— Как у настоящего героя, — соглашаюсь я.

— А папа когда придет? — спрашивает Катя.

— Скоро, солнышко. Папа на работе.

— А почему он всегда на работе? — Катя хмурится. — Я хочу, чтоб он был дома. Как ты.

— Папа работает, чтобы у нас были деньги. На игрушки, на еду, на наш дом.

— А я не хочу игрушки, я хочу папу, — губы у Кати дрожат.

Я прижимаю ее к себе. В горле ком.

— Он скоро придет, малыш. Обязательно придет.

Он приходит в восемь. Уставший, но довольный. С коробкой конфет для меня и сюрпризами для детей.

— Мои зайцы! — он подхватывает детей, кружит, целует. — Соскучились?

— Очень! — визжат дети.

Я смотрю на эту сцену и чувствую раздвоение. Одна моя часть тает — ну посмотри, какой он хороший отец, как дети его любят. Другая — холодная, злая — напоминает: он такой же хороший любовник для другой. И там он тоже, наверное, дарит подарки и кружит на руках.

— Свет, — он подходит ко мне, обнимает за талию. — Ты какая-то далекая сегодня. Все хорошо?

— Все хорошо, Саш. Устала просто.

— Иди отдохни, я сам детей уложу.

— Правда?

— Конечно. Иди. Посиди в ванне, расслабься.

Я смотрю на него и не понимаю. Он заботливый муж. Он хороший отец. Он изменяет мне. Как это сочетается в одном человеке? Как он может быть таким разным?

— Спасибо, — говорю я.

Ухожу в ванну. Набираю горячую воду, ложусь, закрываю глаза. Из гостиной доносятся голоса — Саша читает сказку, дети хохочут. Идиллия.

Я лежу в горячей воде и думаю. Думаю о том, что завтра суббота. Саша будет дома. А послезавтра воскресенье. А в понедельник я выхожу на работу.

Новая жизнь начинается в понедельник.

Суббота. 10:00 утра.

Просыпаюсь от того, что Коля прыгает на кровати.

— Мама, вставай! Папа сказал, мы едем в зоопарк!

— В зоопарк? — тру глаза.

— Да! Все вместе! Вставай скорее!

Саша стоит в дверях, улыбается.

— Решил устроить семейный выходной. Ты как?

— Я... хорошо. Конечно.

Мы собираемся. Долго, как всегда с детьми. Катя не может выбрать шапку, Коля потерял второй носок. Суэта, беготня, крики. Но внутри — предвкушение. В зоопарке мы не были сто лет.

Зоопарк прекрасен. Дети визжат у клеток с обезьянами, боятся тигров, обожают жирафов. Мы покупаем мороженое, сахарную вату, воздушные шары. Саша фотографирует нас, обнимает, целует в макушку. Идеальная семья.

Я смотрю на него и ловлю себя на мысли: а ведь он сейчас не играет. Он действительно счастлив. Потому что он любит детей. Потому что он любит меня. Потому что он любит ее. Он вообще любит всех, главное — чтобы любили его.

— О чем задумалась? — спрашивает он, заметив мой взгляд.

— О том, какой ты хороший отец.

Он улыбается.

— Стараюсь. Для них — все что угодно.

— А для меня?

Пауза. Короткая, но я ее ловлю.

— Для тебя — тем более. Ты же моя жена.

Я киваю. Отворачиваюсь, чтобы он не видел моих глаз. Жена. Функция. Статус. А любовь — там, в квартире с красным бельем.

Воскресенье. 20:00 вечера.

Выходные пролетели как один миг. Завтра на работу. Я волнуюсь, как школьница перед первым сентября. Перебираю одежду, глажу блузку, проверяю, чистая ли обувь.

Саша сидит на кровати, смотрит на меня.

— Волнуешься?

— Немного.

— Не волнуйся. Ты справишься. Ты вообще со всем справляешься.

— Спасибо.

— Свет, — он мнетя. — Я хочу, чтобы ты знала. Я горжусь тобой. Что ты решила работать, что не боишься. Это круто.

Я смотрю на него. Странно слышать это от человека, который в переписке называет мои поиски работы «развлечением».

— Спасибо, Саш. Мне важно твое мнение.

Он подходит, обнимает.

— Я люблю тебя. Ты знаешь?

— Знаю, — говорю я в его плечо.

Ложь. Но уже неважно.

Понедельник. 7:00 утра.

Я выхожу из дома. Впервые за пять лет я выхожу из дома не с детьми и не в магазин, а НА РАБОТУ. Саша уже уехал в пекарню, детей отведу я, но позже — сегодня их забирает мама.

Я иду по улице и чувствую себя подростком. Вокруг люди спешат по делам, кто-то пьет кофе на бегу, кто-то говорит по телефону. Я — часть этого потока. Я больше не сижу в четырех стенах. Я живу.

Частный садик встречает меня запахом каши и детскими криками. Директор Марина Ивановна проводит экскурсию, знакомит с коллективом. Две воспитательницы — молодые, веселые. Нянечка — бабушка лет шестидесяти, добрая, уставшая. И я.

— Ваша задача — помогать на прогулках, следить за порядком в группах, кормить детей, укладывать спать, — объясняет Марина Ивановна. — Работа не сложная, но ответственная. Дети — они же как стекло.

— Я понимаю. У меня самой двое.

— Знаю. Это плюс. Приступайте.

Мой первый рабочий день пролетает как один миг. Я помогаю одевать детей на прогулку, читаю сказки перед сном, разливаю компот, вытираю разлитый компот, успокаиваю плачущего мальчика, чья мама опоздала. Я устала так, что ноги гудят. Но я счастлива.

В пять вечера я забираю детей от мамы. Они рассказывают про свой день, про то, что бабушка пекла пирожки, что они гуляли в парке. Я слушаю и улыбаюсь. У меня тоже есть что рассказать. Впервые за долгое время.

— Мама, а ты сегодня работала? — спрашивает Коля.

— Да, сынок. Я сегодня работала.

— А кем?

— Помогаю маленьким детям. Таким же, как вы.

— Ты теперь как воспитательница?

— Как воспитательница. Только пока учусь.

— Здорово! — Коля одобрительно кивает. — А папа знает?

— Знает.

— А он гордится?

Я смотрю в окно. За окном вечерний город, огни, машины.

— Наверное, Коля. Наверное.

21:00 вечера.

Дети спят. Я сижу на кухне, пью чай и смотрю в телефон. Пришло сообщение от Иры: «Ну как первый день?»

Я пишу: «Отлично. Устала, но довольна».

Она: «Молодец! Горжусь»

Я: «Спасибо. Ты как?»

Она: «Нормально. Скучаю. Давай на неделе встретимся?»

Я: «Давай. В среду?»

Она: «Идет»

Приходит Саша. Позже обычного. Я смотрю на часы — почти десять.

— Привет, — он целует меня в щеку. — Как день?

— Хорошо. Устала, но хорошо. А ты?

— Тоже устал. Заказов много.

— Понятно.

Я смотрю на него. Он пахнет не пекарней. Он пахнет духами. Женскими. Сладкими, приторными, чужими.

— Ты где был? — спрашиваю я ровно.

— На работе, я же сказал.

— А пахнет духами.

Он замирает. На секунду. Потом смеется.

— А, это Илья опять свою девушку в пекарню привел, она ко мне прижималась, знакомилась. Вот нанюхался.

— Ага, — говорю я. — Понятно.

Илья. Снова Илья. У Ильи теперь и девушка есть с такими же духами, как у Алины. Тесен мир.

Я не спору. Молча накрываю ужин. Он ест, рассказывает про заказы, про новые рецепты. Я киваю. Убираю со стола. Мою посуду.

Ночью он спит. А я лежу с открытыми глазами и думаю. Думаю о том, что сегодня был первый день моей новой жизни. Первый день, когда я не думала о нем целый день. Первый день, когда я была занята делом, а не его изменой.

И это было счастье.

Настоящее, чистое, забытое счастье.

Я закрываю глаза и улыбаюсь в темноте. Я справлюсь. Обязательно справлюсь. У меня теперь есть работа. У меня есть свой счет. У меня есть я.

А он... он просто чужой человек, который спит рядом. Но скоро он станет совсем чужим. Очень скоро.

Глава 9. Стекло

Вторник. 6:30 утра.

Сегодня я проснулась раньше будильника. Лежала и слушала, как за окном шумит дождь. Опять дождь. Кажется, в этом городе никогда не перестанет лить.

Саша уже ушел. Даже не поцеловал на прощание — я притворялась спящей, а он не стал будить. Круассаны на столе. Записка: «Хорошего дня». Две строчки. Без «зайцы», без сердечек. Просто информация.

Я смотрю на эту записку и пытаюсь вспомнить, когда в последний раз он писал мне что-то теплое. Не дежурное, а настоящее. Не припомню.

Встаю, иду в душ. Долго стою под горячей водой, смываю остатки сна. Смотрю на свое тело в зеркале. За эти годы оно изменилось — растяжки после беременности, шрам от кесарева, чуть полнее бедра. Но в целом — нормальное тело. Женское. Живое.

Интересно, он сравнивает? Лежа с ней, вспоминает, как я выгляжу? Или ему все равно, главное — новизна?

Я отгоняю эти мысли. Сегодня второй рабочий день. Некогда рефлексировать.

8:00 утра.

Дети в саду. Я в своем новом садике. Знакомые лица, знакомые запахи. Сегодня я уже не новенькая, сегодня я почти своя.

Воспитательница Наташа, молодая, веселая, с хвостиком на макушке, вводит меня в курс дела.

— Свет, сегодня у нас творческий день. Будем лепить из пластилина. Твоя задача — сидеть с теми, у кого не получается, и помогать. А то эти художники вечно пластилин в рот тянут.

— Поняла.

Дети — чудо. Каждый со своим характером, каждый со своей историей. Маленький Егор сегодня плачет, потому что мама уехала в командировку. Алиса не хочет лепить, хочет рисовать. Близнецы Петя и Паша все время дерутся за один кусок пластилина.

Я разнимаю, успокаиваю, помогаю, подсказываю. К концу занятия руки в пластилине, голова гудит, но на душе — тепло.

— Свет, а у тебя есть дети? — спрашивает Алиса, размазывая пластилин по столу.

— Есть. Двое. Мальчик и девочка. Близнецы, как Петя и Паша.

— А они тоже ходят в садик?

— Ходят. В другой.

— А ты почему с ними не сидишь?

— Потому что мама тоже хочет работать, — объясняю я. — Как твоя мама.

Алиса кивает, удовлетворенная ответом. Отворачивается к своему пластилиновому зайцу.

Я смотрю на нее и думаю о своих. Как они там? Мама сказала, все хорошо. Но я все равно волнуюсь. Наверное, это навсегда — волноваться за них.

13:30 дня.

Тихий час. Дети спят. Мы с Наташей пьем чай в методическом кабинете. Она расспрашивает меня о жизни, я рассказываю общих чертах — муж, дети, дом.

— Тяжело, наверное, после стольких лет домохозяйства обратно в строй? — спрашивает она.

— Тяжело, но интересно. Я как будто заново учусь жить.

— Понимаю. У меня мама так же вышла на работу, когда мне пятнадцать было. Говорила, что заново родилась.

— Вот-вот. То же чувство.

Наташа смотрит на меня внимательно.

— Свет, а у тебя все нормально дома? Ты какая-то... грустная иногда.

Я улыбаюсь.

— Все нормально. Просто устаю. Дети, работа, хозяйство. Обычная жизнь.

— Обычная жизнь не бывает легкой, — философски замечает Наташа. — Ладно, пойду проверю, как там наши спят.

Она уходит. А я сижу и думаю о том, как легко говорить "все нормально". И как трудно, чтобы это было правдой.

17:30 вечера.

Забираю детей от мамы. Сегодня она пекла пирожки с капустой. Коля наелся так, что живот болит. Катя требует рецепт, чтобы "тоже так научиться".

— Мама, а бабушка сказала, что ты теперь работаешь, — говорит Катя в машине.

— Работаю.

— А папа тоже работает?

— И папа работает.

— А кто же дома будет работать? — удивляется Катя.

— Мы все будем работать, солнышко. Каждый свое дело делает.

— А мое дело — в садик ходить? — уточняет Коля.

— Твое дело — расти и радовать маму с папой.

— Это легко! — Коля довольно улыбается.

Я смотрю на них в зеркало заднего вида и чувствую, как сердце сжимается от любви. Если бы не они, я бы, наверное, уже развалилась на куски. Но они держат. Их голоса, их вопросы, их маленькие ручки — вот что по-настоящему важно.

А Саша... Саша просто фон. Важный, болезненный, но фон.

19:00 вечера.

Дома. Ужин, купание, сказки. Рутинная, которую я знаю наизусть. Только теперь после нее не будет «посидеть с мужем на диване». После нее будет подготовка к завтрашнему дню, глажка формы, проверка детских вещей.

Саша приходит в девять. Сегодня без цветов. Просто усталый, помятый, с темными кругами под глазами.

— Привет, — целует в щеку. — Как день?

— Нормально. А ты чего такой?

— Загнанный. Заказов много, поставщики подвели, Илья заболел. Один разрываюсь.

— А Алина? — спрашиваю я как бы невзначай. — Она же помогает?

Он замирает. Чуть-чуть, почти незаметно. Но я замечаю.

— Алина уволилась, — говорит он. — Вчера.

Сердце пропускает удар.

— Уволилась? Почему?

— Личные обстоятельства. В другой город уезжает, к парню своему.

Я смотрю на него. Он отводит глаза. Врет. Конечно, врет. Никуда она не уезжает. Просто они поссорились? Или он решил залечь на дно, потому что я стала слишком много спрашивать?

— Жалко, — говорю я ровно. — Хорошая была продавщица.

— Была, — соглашается он.

Мы ужинаем молча. Я чувствую его напряжение, он чувствует мое. Между нами висит что-то тяжелое, невысказанное.

22:00 вечера.

Саша в душе. Я сижу на кухне, смотрю в одну точку. Алина уволилась. Что это значит? Они расстались? Или просто стали осторожнее? Или она действительно уехала?

Рука тянется к его телефону. Он оставил его на кухне, заряжается. Пароль все тот же.

Чат с Алиной пуст. Удален. Все сообщения стерты.

Я листаю другие чаты, проверяю звонки. Ничего. Чисто.

Он замечает следы.

Я кладу телефон на место и смотрю в окно. Дождь кончился. Небо чистое, звездное. Красиво. Только внутри у меня теперь не звезды, а черная дыра.

Среда. 9:00 утра.

Работа отвлекает. Слава богу, работа отвлекает. Сегодня мы гуляем с детьми в парке. Осень, листопад, дети собирают букеты из желтых листьев. Я помогаю, подсказываю, слежу, чтобы никто не убежал далеко.

Мой телефон звонит. Ира.

— Свет, привет! Как ты?

— Нормально. На работе.

— О, извини, отвлекаю. Давай вечером встретимся?

— Давай. Во сколько?

— В семь. В нашем кафе.

— Договорились.

Я отключаюсь и улыбаюсь. Ира — единственный человек, кроме мамы, с кем я могу быть собой. Не притворяться, не улыбаться, не играть.

19:00 вечера.

Кафе "Встреча". Мы сидим за столиком у окна, пьем кофе, едим пирожные. Ира слушает мой рассказ про Алину.

— Думаешь, врет?

— Уверена.

— И что будешь делать?

— Ничего. Пока ничего. У меня теперь работа, свои деньги, своя жизнь. Если он хочет играть в прятки — пусть играет.

— Ты изменилась, — говорит Ира. — Стала жестче.

— Жизнь заставила.

— Это хорошо. Мне всегда казалось, что ты слишком мягкая. Тебя любой обидеть мог.

— Больше не сможет, — усмехаюсь я.

Мы болтаем еще час. О всякой ерунде, о фильмах, о мужчинах. Ира рассказывает про нового ухажера, я смеюсь над ее историями. На какое-то время я забываю, что моя жизнь — это поле боя.

В 21:00 мы расходимся. Я еду домой.

21:40 вечера.

Дома темно. Дети спят. Саша сидит на кухне, пьет чай. Смотрит на меня, когда я захожу.

— Где была?

— С Ирой встречалась, — раздеваюсь, вешаю куртку. — Я говорила.

— А, да. Забыл.

Прохожу на кухню, сажусь напротив. Молчим.

— Свет, — говорит он. — Ты какая-то отстраненная в последнее время. Все нормально?

— Нормально, Саш. Просто устаю на работе.

— Может, не надо работать? Я же обеспечиваю.

— Я хочу работать.

— Зачем?

— Чтобы быть независимой.

Он смотрит на меня долго, внимательно. Что-то просчитывает в голове.

— От кого независимой? От меня?

Я смотрю ему прямо в глаза.

— От обстоятельств, Саш. От жизни. На всякий случай.

— На какой случай?

— На всякий. Вдруг что-то случится.

— Что может случиться?

Я пожимаю плечами.

— Всякое может. Война, потоп, конец света.

Он усмехается.

— Ты странная стала.

— Я всегда была странная. Просто ты не замечал.

Мы смотрим друг на друга. В его глазах — тревога. В моих — спокойствие. Я больше не боюсь. Это странное, но приятное чувство.

Четверг. 10:00 утра.

Звонит Елена Петровна.

— Светлана, доброе утро. Я подготовила документы. Нужно встретиться, обсудить стратегию.

— Хорошо. Когда?

— Завтра в 11 сможете?

— Смогу. У меня сменный график.

— Отлично. Жду.

Я кладу трубку и смотрю на телефон. Завтра. Еще один шаг к свободе.

Пятница. 11:00 утра.

Я сижу в кабинете адвоката. Передо мной кipa бумаг. Елена Петровна объясняет, что к чему.

— Это заявление о расторжении брака. Это опись совместно нажитого имущества. Это ходатайство о взыскании алиментов. Это запрос в налоговую о доходах мужа.

— Много всего.

— Много. Но все необходимо. Когда будете готовы подавать?

— Я не знаю. Еще не решила.

— Понимаю. Решение должно созреть. Но помните: чем дольше тянете, тем больше он может вывести активов. Особенно если почувствует опасность.

— Он уже почувствовал. Алина «уволилась». Чистит переписки.

— Значит, время работает против вас. Решайтесь.

Я киваю. Беру документы. Выхожу на улицу.

Стою, смотрю на серое небо. В руках папка с моим будущим. Стоит только подписать — и начнется война.

Я не готова. Пока не готова.

16:00 дня.

Я забираю детей от мамы. Катя сегодня именинница у подруги в садике, поэтому она в красивом платье и с бантиками. Коля ревнует — ему тоже хочется бантик.

— Мальчики не носят бантики, — объясняет Катя.

— А я буду носить! Я принц!

— Принцы носят короны, а не бантики.

— Тогда купи мне корону!

Я слушаю их перепалку и улыбаюсь. Домашние разборки — лучшее лекарство от взрослых проблем.

19:30 вечера.

Саша приходит рано. Даже очень рано — в половине восьмого. С цветами, с шампанским, с коробкой конфет.

— Что за повод? — удивляюсь я.

— Просто захотелось сделать тебе приятно, — он обнимает меня, целует. — Мы так редко бываем вдвоем.

— Дети не спят еще.

— Уложим — и посидим.

Я смотрю на него. Что он задумал? Задабривает? Искушает вину? Или просто соскучился?

Мы укладываем детей. Коля сегодня долго не засыпает, просит сказку, потом воду, потом еще сказку. Саша терпеливо сидит с ним, читает, успокаивает. Хороший отец. Черт бы его побрал.

В 21:30 мы наконец сидим на кухне. Шампанское открыто, конфеты на тарелке. Он поднимает бокал.

— За нас, Света. За нашу семью.

— За нас, — эхом откликаюсь я.

Мы пьем. Он смотрит на меня.

— Я хочу извиниться, — говорит он.

Сердце пропускает удар.

— За что?

— За то, что мало уделял тебе внимания. Работа, заботы, вечная спешка. Я забыл, какая ты красивая. Какая ты у меня замечательная.

Я смотрю в его глаза. Они честные. Искренние. Как у того Саши, который когда-то кормил меня круассанами.

— Саш...

— Нет, дай договорить. Я понимаю, что был не прав. Что ты заслуживаешь большего. И я хочу это исправить. Правда хочу.

Он берет мою руку.

— Давай начнем сначала? Забудем все плохое, все обиды. Просто будем жить. Любить друг друга. Как раньше.

У меня внутри все переворачивается. Часть меня — та, глупая, любящая — хочет закричать: «ДА! Давай забудем! Давай начнем сначала!»

Но другая часть — холодная, злая, наученная опытом — шепчет: «Он врёт. Он всегда врёт. Где она сейчас, твоя Алина? Уволилась? Или просто залегла на дно?»

Я молчу. Слишком долго молчу.

— Свет? — он смотрит встревоженно. — Ты чего?

— Саш, — говорю я тихо. — Ты правда хочешь начать сначала?

— Правда.

— Тогда скажи мне одну вещь. Честно. Кто такая Алина?

Он бледнеет. Мгновенно, на глазах. Краска отливает от лица.

— Что?

— Алина. Продавщица. Которая уволилась. Кто она тебе?

Пауза. Длинная, тяжелая, как бетонная плита.

— Продавщица, — говорит он. — Я же объяснял.

— Саша, не ври мне. Я знаю про квартиру. Я знаю про красное белье. Я знаю про ваши встречи, пока я была «у мамы». Я знаю все.

Он смотрит на меня. В глазах — ужас. Настоящий, животный ужас.

— Света... — голос срывается. — Света, прости...

— Ты спишь с ней?

Молчание. Потом тихое:

— Да.

Стекло. То самое, о котором говорила Ира. Ваза, которую разбили. Я слышу звон осколков в своей голове. Слышу, как разлетается вдребезги все, что было у нас за пять лет.

— Света, прости меня, — он тянется ко мне. — Я дурак, я идиот, это было ошибкой, я люблю только тебя...

— Не трогай меня, — говорю я тихо.

— Света...

— НЕ ТРОГАЙ!

Я вскакиваю. Бокал падает на пол, разбивается. Шампанское растекается по линолеуму. Как моя жизнь.

— Света, пожалуйста...

— Сколько? — спрашиваю я. Голос чужой, не мой.

— Что?

— Сколько это длится?

Он молчит.

— Сколько?!

— Три месяца, — шепчет он.

Три месяца. Три месяца лжи. Три месяца красного белья и «скучаю, зайка». Три месяца, пока я растила детей, варила ужины, ждала его по ночам.

— Света, я все исправлю. Клянусь. Я порву с ней. Она уже уволилась. Мы уедем, начнем новую жизнь...

— Замолчи, — я смотрю на него и вижу чужого человека. — Просто замолчи.

Я выхожу из кухни. Иду в спальню. Закрываю дверь. Сажусь на пол, прислоняюсь спиной к кровати.

Слез нет. Только пустота и звон разбитого стекла.

Из-за двери доносится его голос. Он что-то говорит, просит, умоляет. Я не слышу слов. Слышу только звон.

Стекло. Вся моя жизнь теперь — разбитое стекло. И я не знаю, можно ли его собрать.

И главное — хочу ли я его собирать.

Глава 10. Три месяца

Пятница. 23:45 ночи.

Я сижу на полу в спальне. За дверью — он. Его шаги, его голос, его мольбы. Я слышу каждое слово, но они проходят сквозь меня, как сквозь пустоту.

— Света, открой, пожалуйста. Давай поговорим. Света...

Я смотрю на свои руки. Они трясутся. Мелко, противно, неудержимо. Сжимаю их в кулаки — не помогает.

Три месяца. Три гребанных месяца.

Я вспоминаю все, что было за это время. Все ночи, когда я ждала его с ужином. Все утра, когда находила на столе круассаны и верила, что это любовь. Все разы, когда мы занимались сексом, а он, наверное, представлял её.

Меня тошнит.

Я встаю, иду в ванную, сгибаюсь над унитазом. Желудок пуст — не ела с утра. Меня рвет желчью. Горькой, как вся моя жизнь сейчас.

— Света! — он стучит в дверь ванной. — Света, тебе плохо? Открой!

— ОТСТАНЬ! — ору я так, что голос срывается на хрип.

Тишина. Потом его шаги — отходит.

Я умываюсь холодной водой. Смотрю в зеркало. Лицо белое, глаза красные, губы, искусанные в кровь. Страшная. Чужая.

— Ну что, Света, — шепчу я себе. — Дождалась. Узнала правду. И что теперь?

В дверь снова стучат.

— Свет, пожалуйста, выйди. Я все объясню. Это была ошибка. Она ничего не значит.

Я открываю дверь. Стою на пороге ванной, смотрю на него. Он бледный, растрепанный, в глазах паника. Красивый. Родной. Чужой.

— Ничего не значит? — переспрашиваю я. Голос хриплый, чужой. — Три месяца трахалась продавщицу, покупаешь ей красное белье, снимаешь квартиру, называешь «моя девочка» — и ничего не значит?

Он отшатывается, будто я ударила.

— Откуда ты...

— Я все знаю, Саша. Все. Каждый ваш разговор. Каждую встречу. Каждый подарок. Ты думал, я слепая? Думал, я буду вечно сидеть дома и ничего не замечать?

— Света, прости меня. Я дурак, я идиот, я...

— Да, ты идиот! — кричу я. — Ты идиот, если думал, что это сойдет тебе с рук! Ты идиот, если считал, что я заслуживаю такого отношения!

Он делает шаг ко мне. Я отступаю.

— Не подходи.

— Света, я люблю тебя. Только тебя. Она была просто... просто развлечением. Ошибкой. Я не знаю, как это объяснить...

— Попробуй, — я скрещиваю руки на груди. — Очень интересно послушать.

— Я... — он запинается. — Я не знаю. Замотался, устал, ты вечно с детьми, на меня времени не хватало. А она молодая, веселая, просто поднимала настроение...

— То есть это я виновата? — в голосе звенит сталь. — Я мало уделяла тебе внимания? Я зашивалась с твоими детьми, пока ты развлекался?

— Нет! Я не то говорю! Я не виню тебя! Это я виноват, я один!

— А она? Она знала, что ты женат?

— Знала.

— И ее это устраивало?

Молчит.

— Устраивало? — настаиваю я.

— Она говорила, что ей все равно. Что главное — мы вместе.

Я усмехаюсь. Горько, зло.

— Какая трогательная любовь. Прямо Ромео и Джульетта. Только вот Джульетта, кажется, в другом городе, а Ромео дома жену прощенья просит.

— Света, не надо так. Я правда люблю тебя.

— Заткнись, — говорю я тихо. — Просто заткнись. Я не хочу слышать про твою любовь. Я слышала её три месяца. В каждом твоём «задержусь на работе», в каждом «скупаю», в каждом гребаных круассанах по утрам.

Он молчит. Стоит, смотрит на меня, и молчит.

— Три месяца, Саша. Три месяца ты лгал мне в глаза. Три месяца я жила в аду, чувствуя, что что-то не так, и думая, что это у меня паранойя. Три месяца ты делал из меня дуру.

— Прости, — шепчет он.

— Знаешь, что самое обидное? — я смотрю ему в глаза. — Я готова была простить тебя. Сегодня, когда ты говорил про «начать сначала», я почти поверила. Я почти согласилась. Я думала: ну да, бывает, мужья отдаляются, надо работать над отношениями...

Он сглатывает.

— А ты просто трахал другую. Три месяца.

— Света...

— Утром ты уходил к ней. Вечером возвращался ко мне. Целовал меня теми же губами, которыми целовал её. Говорил, что любишь. Спал со мной. Смотрел в глаза.

Я чувствую, как слезы подступают к горлу, но не позволяю им пролиться. Не сейчас. Не при нем.

— Ты убил всё, Саша. Всё, что у нас было. Пять лет. Двое детей. Общий дом. Общие мечты. Всё убил за три месяца с молоденькой шлюхой.

— Не называй её так, — вдруг говорит он.

Я замираю.

— Что?

— Не называй её так. Она не шлюха. Она просто... она тоже человек.

Я смотрю на него и чувствую, как внутри что-то обрывается окончательно. Он защищает её. Сейчас, когда я стою перед ним раздавленная, он защищает ЕЁ.

— Вон, — говорю я тихо.

— Что?

— Вон из моего дома. Иди к ней. Защищай её дальше. Мне плевать.

— Света, не гони меня. Я хочу быть с тобой. С детьми.

— Ты хотел быть с детьми три месяца назад, когда снимал квартиру для трахов? Ты хотел быть со мной, когда дарил ей подарки за мои деньги? Иди отсюда. Прямо сейчас.

— Куда я пойду в час ночи?

— К ней! — ору я. — К своей Алине! К своей «не шлюхе»! Иди, трахайся, живи с ней, мне всё равно!

— Мы расстались, — говорит он тихо. — Она уехала.

— Тем более. Снимай гостиницу. Ночуй в пекарне. Мне плевать, где ты будешь ночевать. Но здесь ты не останешься.

— Света...

— Я сказала — ВОН!

Я хватаю его куртку из прихожей, швыряю в него. Потом его ботинки. Один попадает в стену, оставляя темный след.

— Света, успокойся, дети проснутся...

— Не смей говорить мне про детей! Не смей! Это ты должен был думать о детях, когда засовывал свой член в другую!

Он одевается молча. Руки трясутся, шнурки не завязываются. Я стою, смотрю на него, и чувство только одно — гадливость. Как будто таракана увидела.

— Я позвоню завтра, — говорит он, уже стоя в дверях.

— Не смей.

— Света...

— Не смей звонить. Не смей приезжать. Ты умер для меня. Сегодня ночью ты умер.

Дверь закрывается. Щелчок замка. Тишина.

Я стою в прихожей, смотрю на дверь и не могу пошевелиться. В голове пусто. В груди — черная дыра.

А потом я слышу плач из детской.

00:15 ночи.

Коля. Проснулся от криков. Сидит в кроватке, трет глаза, всхлипывает.

— Мама, я испугался. Вы с папой кричали.

Я беру его на руки. Он теплый, сонный, пахнет молоком и детским шампунем. Прижимается ко мне, обнимает за шею.

— Всё хорошо, сынок. Всё хорошо. Мама рядом.

— А где папа?

— Папа уехал по делам, — голос не слышится. — Срочно. На работу.

— Ночью?

— Ночью. Бывает.

Коля смотрит на меня недоверчиво, но сил спорить нет. Глазки слипаются. Через минуту он снова спит у меня на руках.

Я сижу в детской, прижимаю его к себе, и слезы наконец текут. Тихо, без всхлипов, просто ручьем по щекам. Катя спит в своей кроватке, разметавшись звездочкой. Коля сопит у меня на руках. А я сижу и плачу. Потому что жизнь кончилась. Потому что предали. Потому что непонятно, как жить дальше.

4:30 утра.

Я сижу на кухне. Кофе остыл уже три раза. Я смотрю в одну точку и перебираю в голове обрывки разговора. Три месяца. Она уехала. Я люблю тебя. Не называй её шлюхой.

Особенно последнее. Он защищал её. Мою соперницу. Он сказал мне, его жене, матери его детей: «Не называй её шлюхой».

Я усмехаюсь в темноте. Хорош. Просто хорош.

Звонит телефон. Ира. Я смотрю на экран и понимаю, что не могу сейчас говорить. Сбрасываю. Пишу сообщение: «Потом. Все потом».

Через минуту ответ: «Ты как?»

«Узнала. Он признался».

«Еду к тебе».

«Не надо. Дети спят. Я в порядке».

«Ты врешь».

«Знаю. Но справлюсь».

«Завтра позвоню. Если что — я рядом».

«Спасибо».

Я откладываю телефон. Смотрю в окно. За окном начинает светать. Серый, мутный рассвет. Как моя душа сейчас.

7:00 утра.

Просыпаются дети. Катя первая, бодрая, как огурчик. Коля заспанный, капризный.

— Мама, а папа где? — спрашивает Катя, заглядывая во все комнаты.

— Папа на работе, солнышко.

— В воскресенье?

— Сегодня суббота, — поправляет Коля. — Мама, сегодня суббота, папа выходной.

— Срочный заказ, — говорю я. — Пришлось уехать.

Дети переглядываются, но спорить не лезут. Катя просит блинов. Коля — мультики. Я жарю блины, включаю мультики, кормлю, одеваю. Рутинная. Спасительная рутинная, которая не дает провалиться в бездну.

В 10:00 звонок в домофон. Я смотрю на экран — Ира.

— Ты с ума сошла? Суббота, утро, я детей кормлю...

— Открывай, — командует она. — Я с пирожными.

Я открываю. Она влетает в квартиру, обнимает меня, потом отстраняет, смотрит в лицо.

— Ты как?

— Жива.

— Вижу, что жива. Рассказывай.

Я рассказываю. Дети играют в своей комнате, не слышат. Ира слушает, и с каждым моим словом лицо ее становится темнее тучи.

— Сволочь, — выдыхает она, когда я заканчиваю. — Какая же сволочь. И что теперь?

— Не знаю.

— Простишь?

— Нет.

— Выгонишь?

— Уже выгнала.

— Насовсем?

— Не знаю, Ир. Я ничего не знаю. Голова пустая.

— Это нормально. Шок. Потом пройдет, начнешь соображать.

— А если не пройдет?

— Пройдет. Ты сильная. Ты справишься.

Мы сидим на кухне, пьем чай с ее пирожными. Дети забегают, хватают по печенью, убегают. Жизнь продолжается. Странно, но продолжается.

13:00 дня.

Ира уехала. Обещала вечером позвонить. Я сижу с детьми, читаю книжки, играю в лего. Внешне — спокойная мать. Внутри — выжженная пустыня.

В 14:00 звонок. Саша. Я смотрю на экран, чувствую, как внутри все переворачивается. Сбрасываю.

Через минуту сообщение: «Света, пожалуйста, возьми трубку. Нам надо поговорить».

Я не отвечаю.

Еще сообщение: «Я у мамы. Ночевал там. Скажи хоть, что с детьми все хорошо».

Я пишу: «С детьми все хорошо. Не пиши мне больше».

Он: «Света, пожалуйста...»

Я блокирую номер.

Просто нажимаю кнопку, и его больше нет в моем телефоне. Как будто и не было никогда.

Странное чувство. Пустота и облегчение одновременно.

19:00 вечера.

Дети накормлены, помыты, уложены. Я сижу одна на кухне, смотрю в стену. Звонит мама.

- Света, как ты?
- Нормально, мам.
- Не ври. Я с Ирой говорила. Она все рассказала.
- Мам, не надо...
- Слушай меня, дочка. Ты сильная. Ты справишься. Я рядом. Всегда. Поняла?
- Поняла, мам.
- Если что — собирай детей и приезжай. Места всем хватит.
- Спасибо, мама.
- И не смей его прощать, слышишь? Не смей! Он не стоит твоей слезы.
- Не прощу.
- Вот и умница. Ложись спать. Завтра новый день.

Я ложусь в пустую кровать. Впервые за пять лет одна. Холодно. Непривычно. Страшно. Но где-то глубоко внутри теплится маленький огонек. Огонек свободы.

Я засыпаю под утро. И впервые за долгое время мне снится не он. Мне снится море. И я одна на берегу. И солнце.

Глава 11. Осада

Воскресенье. 8:30 утра.

Просыпаюсь от того, что кто-то долбит в дверь. Настойчиво, громко, без остановки. Сердце подпрыгивает к горлу. Смотрю на часы — половина девятого утра, воскресенье. Дети спят.

Я накидываю халат, иду в прихожую. Смотрю в глазок — Саша. С цветами. С огромным букетом роз, от которого видно только его голову сверху.

— Открой, Света, — говорит он негромко, но в тишине подъезда слышно каждое слово. — Нам надо поговорить.

Я молчу. Стою за дверью, прижавшись лбом к холодному дереву.

— Я знаю, что ты там. Открой, пожалуйста. Я не уйду, пока не поговорим.

— Уходи, — говорю я тихо.

— Что? Не слышу.

— УХОДИ! — кричу я громче.

— Не уйду. Света, я всю ночь не спал. Я понял все свои ошибки. Дай мне шанс все исправить.

Из детской доносится голос Кати:

— Мама, кто там?

— Никого, солнышко. Спи дальше.

— А почему кричат?

— Телевизор, Катя. Спи.

Саша продолжает долбить. Теперь уже не кулаком, а, кажется, букетом.

— Света, открой! Я буду стоять здесь весь день! Я буду стоять здесь неделю! Я не уйду!

Я открываю дверь. Резко, так что он едва не падает внутрь.

— Ты с ума сошел? Дети спят! Соседи вызовут полицию!

Он смотрит на меня. Глаза красные, небритый, осунувшийся. За ночь постарел лет на десять.

— Света... — тянет руки с букетом.

— Цветы можешь сразу выкинуть. Я не приму.

— Света, умоляю, дай мне пять минут. Просто пять минут.

— Дети проснутся. Уходи.

— Тогда выйди на лестницу. Поговори со мной. Пожалуйста.

Я смотрю на него. Потом оборачиваюсь на дверь детской — тихо. Выхожу на лестничную клетку, прикрываю дверь за собой.

— Говори быстро. У меня дети.

Он ставит цветы на пол, смотрит на меня затравленно.

— Я дурак, Света. Я идиот. Я потерял голову. Но я люблю тебя. Только тебя. Она ничего не значила.

— Три месяца, Саша. Три месяца она ничего не значила, а ты трахал её и дарил подарки.

— Я знаю. Это безумие какое-то. Я сам не понимаю, как это случилось. Замкнуло. Кризис среднего возраста, наверное. Но это не оправдание.

— Не оправдание, — соглашаюсь я.

— Я порвал с ней. Совсем. Она уехала. Я готов на все, чтобы вернуть тебя. На терапию пойду, к психологу, к бабкам, к кому скажешь. Только не выгоняй меня.

Я смотрю на него. Красивые глаза, красивые слова. Только внутри теперь пусто.

— Ты её защищал, — говорю я тихо. — Когда я назвала её шлюхой, ты сказал «не называй её так».

Он бледнеет.

— Это... это просто привычка. Я не хотел...

— Ты защищал её. Передо мной. Перед своей женой. Ты выбрал её в ту секунду.

— Нет! Света, нет! Я просто...

— Ты просто показал, кто тебе на самом деле дороже. Не надо больше слов.

Я разворачиваюсь, чтобы уйти. Он хватается меня за руку.

— Не трогай!

— Света, прошу...

— Руку убрал.

Он убирает. Стоит, смотрит, как побитая собака.

— Я приду завтра, — говорит он. — И послезавтра. Я буду приходить каждый день, пока ты не простишь.

— Не трать время.

Я захожу в квартиру, закрываю дверь, закрываю замок, закрываю цепочку. Прислоняюсь спиной к двери, закрываю глаза.

Из детской выходит Коля.

— Мама, кто приходил?

— Никто, сынок. Почтальон ошибся.

— А почему ты плачешь?

— Не плачу, Коля. Это просто усталость.

Он подходит, обнимает меня за ноги.

— Я тебя люблю, мама. Ты самая лучшая.

Я глажу его по голове и молюсь, чтобы он никогда не узнал, каким бывает его «самый лучший» папа.

13:00 дня.

День тянется бесконечно. Дети требуют внимания, игры, еды. Я функционирую на автомате. Варю суп, режу салат, мою посуду, собираю разбросанные игрушки.

Саша звонит с разных номеров. Я сбрасываю. Он пишет сообщения в мессенджеры — я блокирую. Он присылает цветы курьером — я не открываю дверь, курьер оставляет букет у порога. К вечеру на лестничной клетке собирается целая оранжерея.

Соседка тетя Зоя из 42-й выглядывает, смотрит на цветы, на меня.

— Светочка, у вас что-то случилось? Я слышала крики ночью.

— Все хорошо, тетя Зоя. Извините за шум.

— А цветы чьи?

— Муж балуется, — улыбаюсь я через силу.

— А чего на лестнице стоят? Заноси в дом, завянут.

— Занесу, — киваю я. — Спасибо.

Тетя Зоя уходит, качая головой. Я закрываю дверь и думаю, сколько еще придется врать. Соседям, детям, маме, себе.

16:30 дня.

Собираю детей гулять. Надо выходить, проветриться. Одеваю Катю, Колю, сама натягиваю куртку. Выходим во двор.

Саша сидит на лавочке у подъезда.

Я замираю. Дети видят его раньше, чем я успеваю среагировать.

— ПАПА! — визжат оба и бегут к нему.

Он подхватывает их, кружит, целует. Смотрит на меня поверх детских голов. Взгляд умоляющий.

— Папа, ты почему не ночевал дома? — спрашивает Катя.

— Папа работал, зайка. Срочные дела.

— А мама сказала, ты на работе, — Коля хмурится. — А сегодня воскресенье. Разве в воскресенье работают?

— Бывает, сынок. Когда очень надо.

Я стою в стороне, смотрю на эту картину. Красивая семья воссоединяется после разлуки. Только никто не знает, что разлука эта — навсегда.

— Папа, пойдем с нами гулять! — Катя тянет его за руку. — Мы в парк идем!

Саша смотрит на меня.

— Можно? Пожалуйста.

Дети смотрят на меня. Четыре глаза, полные надежды.

— Пусть идет, — говорю я сквозь зубы.

Мы идем в парк. Он с детьми впереди, я сзади. Смотрю на его спину, на то, как он держит Колю за руку, как подсаживает Катю на качели. Хороший отец. Черт бы его побрал.

— Свет, — он подходит, когда дети убегают к каруселям. — Спасибо, что разрешила.

— Я не тебе разрешила. Им.

— Понимаю.

Молчим. Смотрим на детей.

— Я люблю их, — говорит он. — Больше жизни.

— Знаю.

— И тебя люблю. Ты не веришь, но это правда.

— Саша, перестань.

— Не могу перестать. Я не могу без вас. Три дня без вас — и я схожу с ума.

— Три месяца без нас, — поправляю я. — Ты три месяца был без нас. С ней.

Он замолкает. Опускает голову.

— Я идиот.

— Ты уже говорил.

— Что мне сделать, чтобы ты простила?

— Ничего. Невозможно простить такое.

— Все можно простить. Люди прощают и не такое.

— Я не люди. Я Света. И я не прощаю предательство.

Он смотрит на меня долго, потом отворачивается.

— Я буду бороться, — говорит он тихо. — За нас. За семью. Я не сдамся.

— Твое право.

Катя машет нам с карусели:

— Мама! Папа! Смотрите, как высоко!

Мы машем в ответ. Оба. Как одна команда. Хотя команды давно нет.

19:00 вечера.

Приходим домой. Саша мнется у двери.

— Можно зайти? Детей уложить?

— Я сама уложу.

— Света, ну пожалуйста...

— Нет. Иди.

— Где я буду ночевать?

— Не знаю. Это не моя проблема.

Он смотрит на меня, потом на дверь. Кивает.

— Завтра приду.

— Как хочешь.

Закрываю дверь. Чувствую себя чудовищем. И одновременно — правильно. Так правильно.

Дети капризничают вечером. Коля плачет, что папа не остался. Катя дует, что папа не почитал сказку. Я успокаиваю, объясняю, обещаю, что завтра папа придет. Вру. Но им так легче.

22:00 вечера.

Сажу на кухне, пью чай. Звонит мама.

— Света, как ты? Он приходил?

— Приходил. Весь день осаждает.

— И что ты?

— Гоню.

— Правильно. Не поддавайся. Они, мужики, пока не поймут, что потеряли, не ценят.

— Мам, а если он правда понял? Если искренне?

— Света, дочка, запомни. Искренность проверяется временем. Месяцем, годом. Не словами, а делами. Пусть докажет.

— А если не сможет доказать?

— Значит, не судьба. Значит, отпустишь и пойдешь дальше.

— Страшно, мам. Одной страшно.

— Ты не одна. У тебя я, Ира, дети. И главное — у тебя ты сама есть. А это, дочка, самое важное.

Я улыбаюсь в трубку. Мама всегда знает, что сказать.

Понедельник. 7:00 утра.

Веду детей в сад. У выхода из подъезда стоит Саша. С термосом и пакетом.

— Доброе утро, — говорит он робко. — Я кофе принес. Твой любимый, с корицей. И круассаны. Из пекарни, свежие.

Дети радостно хватают круассаны. Я смотрю на кофе. Внутри что-то дрогнуло.

— Спасибо, — говорю сухо.

— Можно я провожу вас до сада?

— Мы сами.

— Ну пожалуйста.

Я пожимаю плечами. Идем вместе. Он несет Колю на плечах. Катя держит его за руку. Я сзади. Опять сзади.

По дороге он рассказывает детям про птичек, про машины, про то, что будет, когда вырастут. Дети хохочут, визжат, задают миллион вопросов. Он отвечает терпеливо, с улыбкой.

У ворот сада он обнимает их, целует.

— Вечером приду, — обещает.

— Правда? — Катя сияет.

— Правда. Обязательно.

Дети убегают в группу. Мы остаемся вдвоем у входа.

— Свет, — он протягивает мне кофе. — Выпей. Ты замерзла.

Я беру термос. Руки действительно трясутся. То ли от холода, то ли от всего сразу.

— Саша, — говорю я. — Сколько ты будешь так ходить?

— Пока не простишь.

— А если не прощу?

— Значит, буду ходить всегда. Буду ждать у подъезда, провожать в сад, приносить кофе. Стану твоей тенью. Тень преданного пса.

— Это жалко выглядит.

— Мне плевать, как выглядит. Мне не плевать, что я тебя теряю.

Я смотрю на него. Ветер треплет его волосы, глаза красные — не спал опять. Осунулся, почернел. Красивый. Родной. Чужой.

— Мне на работу надо, — говорю я.

— Я отвезу.

— У меня машина есть.

— Я провожу до машины.

— Саша, это уже мания.

— Пусть.

Я сажусь в машину. Он стоит, смотрит, как я отъезжаю. В зеркале заднего вида его фигура становится все меньше и меньше. Как будто растворяется.

11:00 утра.

На работе я как в тумане. Дети, игры, прогулки — все на автопилоте. Наташа замечает мое состояние.

— Свет, ты сама не своя. Случилось что?

— Все нормально, — улыбаюсь я. — Просто устала.

— Ты бледная. Иди отдохни, я пока посижу.

— Спасибо, Наташ. Я в порядке.

Но я не в порядке. Я развалина. Просто умело это скрываю.

В обед приходит сообщение от Иры: «Как ты? Осада продолжается?»

Я пишу: «Он у подъезда с кофе и круассанами. Детей провожал. Обещал вечером прийти».

Ира: «Охренеть. И ты?»

Я: «Не знаю. Часть меня тает. Часть орет, что нельзя».

Ира: «Слушай сердце. Но голову не выключай».

Я: «Легко сказать».

Ира: «Держись. Вечером позвоню».

17:30 вечера.

Забираю детей из сада. Саша уже там. Стоит у ворот, ждет. Дети бросаются к нему, как к родному. Он обнимает, целует, достает из пакета сок и печенье.

— Я провожу вас домой, — говорит он, глядя на меня.

— Провожай, — пожимаю плечами.

Идем домой. Он рассказывает детям смешные истории. Они хохочут. Я иду молча.

У подъезда он останавливается.

— Можно я зайду? Посижу с детьми, пока ты ужин готовишь?

— Саша...

— Я скушаю по ним, Света. По вам всем. Пожалуйста.

Дети смотрят на меня умоляюще.

— Заходи, — сдаюсь я.

Он заходит. В его присутствии квартирасразу оживает. Он играет с детьми, строит башни из лего, читает книжки. Я на кухне режу салат и слушаю их голоса. Смех. Визг. Счастье.

И горькое понимание, что всего этого могло бы не быть. Что он сам все разрушил. И что я, возможно, разрушаю сейчас, не пуская его обратно.

Но как пустить, если внутри — рана?

20:30 вечера.

Дети уложены. Саша сидит на кухне, пьет чай. Я - напротив. Молчим.

— Свет, — говорит он. — Я хочу вернуться.

— Я знаю.

— Ты позволишь?

— Не знаю.

— Что мне сделать?

— Время, Саша. Нужно время.

— Сколько?

— Не знаю. Может, месяц. Может, год. Может, никогда.

Он смотрит в чашку.

— Я буду ждать. Сколько скажешь.

— Это не решение.

— А что решение?

Я молчу. Потому что сама не знаю.

— Иди, — говорю я. — Поздно уже.

— Можно я буду приходить каждый день? К детям?

— Можно.

— Спасибо.

Он встает, идет к двери. У порога оборачивается.

— Света, я люблю тебя. Правда.

— Спокойной ночи, Саша.

Дверь закрывается. Я прислоняюсь к стене и закрываю глаза. В голове каша. В сердце — раздраз.

Что делать? Как жить? Как решать?

Ответа нет.

Вторник. 6:00 утра.

Просыпаюсь от запаха кофе. Иду на кухню — на столе стоит термос с моим любимым кофе, пакет с круассанами и записка: «Доброе утро, любимая. Я ушел на работу, вечером приду. Целую. Саша».

Я смотрю на эту записку и не знаю, что чувствовать.

Как он вошел? У него же нет ключей.

Потом вспоминаю — он оставил свои, когда уходил в пятницу. Я не меняла замки.

Надо поменять. Срочно.

Но кофе вкусный. И круассаны теплые. И записка... записка как раньше. Как будто ничего не случилось.

Но случилось. И я не знаю, можно ли это забыть.

День за днем. Шаг за шагом. Я в тупике.

Глава 12. Качели

Вторник. 23:15 ночи.

Я не сплю. Лежу в темноте и смотрю в потолок. В голове — тысяча мыслей, и все они об одном: прощать или нет?

Качели. Моя жизнь сейчас — сплошные качели. Утром я просыпаюсь с мыслью: «Он чудовище, он предал, никогда не прощу». Днем, когда вижу, как он играет с детьми, как они счастливы, думаю: «Может, дать шанс? Ради них?». Вечером, когда остаюсь одна, вспоминаю каждую деталь, каждое сообщение, каждый его поцелуй на парковке с ней — и снова ненавижу.

Качели. Вверх-вниз. Вверх-вниз. Голова кругом.

Сегодня был тяжелый день. Работа, дети, вечная беготня. А вечером — опять он. С цветами, с кофе, с виноватыми глазами. Сел на кухне, пил чай, смотрел на меня. А я смотрела в стену и думала: «Господи, как же я устала».

— Свет, — сказал он тихо. — Давай поговорим. По-настоящему.

— О чем? — спросила я, не поворачиваясь.

— О нас. О том, что дальше.

— А что дальше? Ты изменил. Я узнала. Ты просишь прощения. Я думаю. Что тут обсуждать?

— Обсудить, есть ли у нас будущее.

Я повернулась к нему. Посмотрела в глаза. В них было столько боли, что на секунду мне показалось — он правда страдает.

— А ты как думаешь? Есть у нас будущее?

— Я хочу, чтобы было.

— Хотеть и мочь — разные вещи.

— Я все сделаю, Света. Все, что скажешь. К психологу пойду. К бабушке. На колени встану при всех.

— Зачем мне твои колени? Мне нужно, чтобы я могла тебе верить. Снова. А как верить человеку, который три месяца врал в глаза?

Он молчал. Долго. Потом сказал:

— Я сам себе не верю. Как я мог? До сих пор не понимаю.

— Вот и я не понимаю, — вздохнула я. — Иди уже. Поздно.

Он ушел. А я сижу и думаю. Прощать или нет?

Среда. 2:45 ночи.

Проснулась от кошмара. Приснилось, что я захожу в пекарню, а там они. Он и она. Прямо на прилавке, среди булок. Она смеется, смотрит на меня и говорит: «Ты простила? Глупая. Он мой. Всегда был моим». А он молчит и смотрит в сторону.

Я села на кровати, сердце колотится. Пот льется по спине.

Простить. Это слово теперь преследует меня везде. В мыслях, в разговорах, во сне.

Что значит простить? Забыть? Невозможно. Перестать злиться? Может быть. Дать второй шанс? А заслуживает ли он?

Вспоминаю все хорошее, что было. Как он встречал меня из роддома с глазами, полными слез. Как ночами не спал с Колей, когда у того были колики. Как каждое утро приносил круасаны, даже когда я была беременной и вредной. Как сказал «я с тобой хоть на край света» в нашу свадьбу.

А потом вспоминаю другое. Его рубашку, пахнущую чужими духами. Его сообщения «скачай, зайка». Его лицо, когда я спросила про Алину, и он соврал.

Как совместить это в одном человеке? Как понять, где настоящий он?

7:00 утра.

Просыпаюсь от детского топота. Катя и Коля влетают в спальню, прыгают на кровать.

— Мама, мама, папа пришел! Он на кухне, завтрак готовит!

— Что? — я тру глаза.

— Папа пришел! Он блины печет!

Иду на кухню. Саша стоит у плиты, переворачивает блины. На столе — варенье, сметана, масло. Дети уже сидят за столом с тарелками.

— Доброе утро, — говорит он робко. — Я подумал, дай зайду, завтрак сделаю. Ты же устала.

Я смотрю на эту картину. Он в фартуке (моем, с цветочками), рукава закатаны, на лбу мука. Дети счастливые, намазывают блины вареньем. Солнце светит в окно.

Идиллия. Чертова идиллия.

— Садись, поешь, — он ставит передо мной тарелку с горой блинов.

— Спасибо, — сажусь. Есть не хочется, но жую, чтобы не обидеть.

— Мама, папа сказал, что будет теперь каждое утро приходить и печь нам блины! — сообщает Коля с набитым ртом.

— Правда? — смотрю на Сашу.

Он краснеет.

— Ну, если ты разрешишь.

— Я подумаю.

Дети убегают одеваться. Мы остаемся вдвоем.

— Саш, — говорю я. — Не надо так. Не подкупай детей блинами.

— Я не подкупаю. Я просто хочу быть с ними. И с тобой.

— Это подкуп.

— Это забота, — он смотрит на меня. — Света, я понимаю, что не имею права. Но я не знаю, как еще показать, что мне не все равно.

— Покажи делом.

— Каким?

— Не знаю. Разберись в себе. Пойми, почему ты это сделал. Найди причину. А то сейчас ты просишь прощения, а через месяц найдешь новую «Алину».

— Не найду.

— Откуда ты знаешь?

— Знаю. Я себя знаю.

— Ты себя не знаешь, Саша. Ты сам сказал: «не понимаю, как это случилось». Значит, не знаешь.

Он замолчал. Потом кивнул.

— Ты права. Я пойду к психологу.

— Иди.

— Один? Или вместе? Говорят, семейная терапия помогает.

— Рано. Сначала ты сам. Потом посмотрим.

Он кивнул. Собрался, ушел. А я сидела и смотрела на остывающие блины. И думала: может, правда шанс? Может, люди меняются?

11:00 утра.

На работе я снова как в тумане. Наташа подходит, садится рядом.

— Свет, колись. Что у тебя случилось? Ты уже неделями сама не своя.

Я молчу. Потом говорю:

— Муж изменил.

Наташа смотрит на меня. Молчит. Потом обнимает.

— Господи, Света... Я даже не знаю, что сказать.

— Ничего не говори. Я сама не знаю, что думать.

— Ты его простишь?

— Не знаю. Думаю. Сегодня кажется — да, завтра — нет.

— Это нормально. Это шок. Пройдет время, поймешь.

— А если не пойму?

— Поймешь. Сердце подскажет.

— Сердце сейчас молчит.

— Значит, слушай голову.

Я смотрю на неё. Мудрая Наташа. Всего на пару лет старше, а говорит так, будто жизнь прожила.

— Голова говорит: не прощай. Предал один раз — предаст снова.

— А сердце?

— Сердце... сердце помнит хорошее. Как он детей любит. Как заботился. Как мы мечтали вместе.

— Вот видишь. Выбирать тебе.

— Легко сказать.

— Никто не говорил, что будет легко.

15:00 дня.

Звонит Ира.

— Свет, привет. Как ты?

— На качелях, Ир. Вверх-вниз.

— Все еще думаешь?

— Думаю. Он каждый день приходит. С детьми возится, завтраки готовит, цветы таскает.

Глаза виноватые.

— И что ты?

— Не пускаю обратно. Но и не выгоняю совсем.

— Это правильно. Пусть побеждает. Пусть докажет.

— А если докажет? Если правда изменится? Если осознал?

— Тогда решать тебе. Только помни: простить — это не значит забыть. Это значит принять и жить дальше, помня о том, что было.

— Ты сможешь так?

— Не знаю, Свет. Честно — не знаю. Меня не предавали так.

— Вот и я не знаю.

Мы болтаем еще немного. Ира обещает заехать на выходных. Я отключаюсь и смотрю в окно.

За окном серо. Осень. Дождь. Как в тот день, когда мы встретились.

19:00 вечера.

Саша приходит с детьми. Они гуляли в парке, пока я была на работе. Мокрые, веселые, с кучей листьев в карманах.

— Мама, мы нашли самый большой лист! — кричит Коля.

— Мама, папа катал нас на карусели! — визжит Катя.

— Молодцы, — улыбаюсь я. — Идите руки мыть.

Саша стоит в прихожей, мнется.

— Я пойду, наверное?

— Оставайся ужинать. Дети будут рады.

Он смотрит с надеждой.

— Правда?

— Оставайся. Только без фокусов.

Ужин проходит в странной атмосфере. Дети болтают без умолку, мы с Сашей переглядываемся. Иногда наши взгляды встречаются, и он сразу отводит глаза. Как провинившийся школьник.

После ужина он моет посуду. Я сижу на кухне, смотрю на его спину. Широкие плечи, знакомая майка. Столько раз я видела эту спину по утрам, когда он собирался на работу. Столько раз обнимала её ночью.

А теперь — чужая. Или нет?

— Свет, — говорит он, не оборачиваясь. — Я сегодня был у психолога.

Я замираю.

— Правда?

— Да. Записался. Ходил на консультацию. Сказал, что нужно будет ходить регулярно.

Разбираться.

— И что психолог сказал?

— Сказал, что измена — это симптом. Что проблема не в ней, не в тебе, а во мне. В моей голове. В том, что я не умею справляться с трудностями, ищу легкие пути.

— Легкие пути — это трахать молоденькую продавщицу?

— Это искать подтверждение своей значимости на стороне, когда дома проблемы.

— Какие проблемы? — я встаю. — Какие у нас были проблемы, Саша? Дети здоровы, дом есть, деньги есть, я тебя любила, ждала, заботилась. Какие проблемы?

— Внутри меня, — он поворачивается. — Не в тебе. Во мне. Кризис возраста. Страх, что жизнь проходит, что молодость уходит. Глупость. Слабость.

— И что теперь?

— Буду работать над собой. Психолог сказал, это лечится. Если сам захочешь.

— Хочешь?

— Хочу. Очень хочу.

Я смотрю на него. В глазах — слезы. Мужские слезы, которые он пытается сдержать. Я видела его плачущим два раза в жизни — в день свадьбы и когда родились дети. Сейчас третий.

— Садись, — говорю я тихо. — Поговорим.

21:30 вечера.

Мы сидим на кухне. Дети спят. За окном дождь. Мы пьем чай и говорим. Впервые за много месяцев — по-настоящему.

Он рассказывает про свою усталость, про страх, что я его больше не люблю, что я живу только детьми, а он просто «функция». Про то, как Алина появилась в нужный момент — когда он чувствовал себя никчемным. Про то, как она смотрела на него с обожанием, и это пьянило.

— Я дурак, — повторяет он. — Я не понимал, что обожание — это не любовь. Что любовь — это когда ты болеешь с детьми ночами, когда ждешь с ужином, когда прощаешь недостатки. А она... она просто играла.

— Откуда ты знаешь, что играла?

— Она уехала, Света. Как только я сказал, что не уйду из семьи, она собрала вещи и уехала. Сказала, что не будет ждать, пока я решу. Что ей нужен весь мужчина, а не кусочками.

— И ты рад?

— Я облегчен. Понимаешь? Когда она уехала, я вздохнул. Потому что понял — это было наваждение. А ты — ты реальность. Моя реальность, которую я чуть не потерял.

Я слушаю и чувствую, как лед внутри потихоньку тает. Но не до конца. Где-то глубоко еще зияет рана.

— Саш, — говорю я. — Я не знаю, смогу ли простить. Я хочу, но не знаю. Каждый раз, когда смотрю на тебя, вспоминаю ту ночь, когда ты защищал её передо мной.

— Я не защищал...

— Защищал. Ты сказал «не называй её шлюхой». Ты выбрал её в ту секунду. Это забыть нельзя.

Он бледнеет.

— Света, я не выбирал. Я просто... это рефлекс был. Не надо было так говорить.

— Но ты сказал.

— Я был идиотом.

— Это не оправдание.

Молчим. Долго. Потом он говорит:

— Что мне сделать, чтобы ты забыла?

— Не забыла. Простила. Это разные вещи.

— Хорошо. Чтобы простила.

Я думаю. Долго. Потом говорю:

— Времени надо. И работы. Над собой, над нами. Если ты правда хочешь — докажи. Не словами, не цветами, не блинами по утрам. А делом. Работой над собой. Терпением. Пониманием, что я могу не простить, и ты должен это принять.

Он кивает.

— Я приму. Что бы ты ни решила.

— А если решу не прощать?

— Буду рядом. С детьми. Помогать. Ждать. Сколько надо.

— А если я другого найду?

Он вздрагивает. Вижу, как больно ему от этой мысли. Но отвечает:

— Имеешь право. Я все разрушил. Ты свободна.

Я смотрю на него. На этого человека, которого любила пять лет. Который предал. Который сейчас сидит передо мной раздавленный и честный.

— Иди, — говорю я. — Поздно уже.

— Можно я завтра приду?

— Приходи.

Он уходит. Я остаюсь одна. Сажу, смотрю в стену. Думаю.

Прощать или нет?

Четверг. 4:00 утра.

Просыпаюсь от того, что рядом кто-то плачет. Коля. Пришел, стоит у кровати, всхлипывает.

— Мама, мне страшно.

— Что случилось, сынок?

— Приснилось, что вы с папой развелись. И мы с Катей будем жить с тобой, а папа уйдет. Я прижимаю его к себе.

— Тише, тише. Это просто сон.

— А это правда? Вы разведетесь?

— С чего ты взял?

— Вы не спите вместе. Папа не ночует дома. Вы не обнимаетесь. Я видел.

Я молчу. Что сказать ребенку? Правду? Рано. Соврать? Не могу.

— У папы много работы, Коля. Он временно живет у бабушки. Чтобы рано вставать и никого не будить.

— А почему вы не обнимаетесь?

— Обнимаемся. Просто ты не видишь.

— Правда?

— Правда.

Коля засыпает у меня на руках. А я сижу и думаю о том, что дети видят всё. Им не соврешь.

Ради них? Может, простить ради них?

Но честно ли это? Честно ли жить с человеком, которому не доверяешь, только ради детей? Они вырастут и поймут. Или не поймут? Или будут благодарны?

Господи, как сложно.

8:00 утра.

Саша снова с завтраком. Снова блины. Снова дети счастливы.

— Папа, а ты сегодня придешь? — спрашивает Катя.

— Если мама разрешит.

— Мама, разреши! — Катя смотрит на меня щенячьими глазами.

— Посмотрим, — улыбаюсь я.

Саша провожает меня до машины.

— Свет, — говорит он. — Я понимаю, что не имею права просить. Но я хочу бороться. За нас.

— Я вижу.

— Дай мне шанс. Не сейчас, не завтра. Но когда-нибудь. Если сможешь.

Я смотрю на него. Дождь моросит. Он без зонта, стоит мокрый, но не замечает.

— Я подумаю, Саша. Честно — подумаю.

Он улыбается. Впервые за эти дни — настоящей улыбкой.

— Спасибо. Этого достаточно.

Я уезжаю. В зеркале заднего вида он стоит под дождем и смотрит вслед. Маленькая фигура на фоне серого неба.

В машине играет радио. Какая-то песня про любовь. Я выключаю.

В голове — пустота и звон.

Прощать или нет?

Глава 13. Двуликий Янус

Пятница. 18:30 вечера.

Я сижу на кухне и смотрю, как Саша возится с детьми в гостиной. Они строят железную дорогу — рельсы, мосты, тоннели. Коля командует, Катя расставляет фигурки, Саша послушно соединяет детали.

— Папа, не туда! Это мост должен быть здесь!

— Папа, а почему у тебя поезд криво едет?

— Папа, а ты завтра опять придешь?

Он отвечает терпеливо, с улыбкой. Иногда ловит мой взгляд и сразу становится серьезным. Как будто напоминает себе: нельзя расслабляться, ты под надзором.

Уже две недели он ходит вокруг нас. Приносит завтраки, провожает в сад, играет с детьми, ужинает, уходит. И каждое утро начинается заново. Я начала привыкать. Это страшно.

— Мам, иди к нам! — кричит Катя. — Мы в поезд играем, папа билеты продает!

— Я посуду помою, — отзывается я.

— Иди, я помою, — Саша тут же вскакивает.

— Играй с детьми.

— Я быстро.

Он идет на кухню, включает воду. Я возвращаюсь в гостиную, сажусь на пол с детьми. Они показывают мне свою железную дорогу — целый город из рельсов и домиков.

— Красиво, — говорю я. — Вы молодцы.

— Это папа помогал, — поясняет Коля. — Он хорошо строит.

— Да, — соглашаюсь я. — Папа много чего умеет.

Саша заканчивает с посудой, возвращается. Садится рядом. Слишком близко. Я чувствую его запах — тот самый, новый, который «Илья посоветовал». Отодвигаюсь чуть-чуть. Он замечает, но молчит.

Мы играем все вместе. Как одна семья. Как будто ничего не случилось.

В 20:30 начинаем укладывать детей. Саша читает сказку, я сижу в кресле. Катя засыпает на

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.